

18+

Наталья Сорокоумова

Синий кварц

Наталья Сорокоумова

Синий кварц

«Издательские решения»

Сорокоумова Н.

Синий кварц / Н. Сорокоумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695572-1

Когда обычная девушка Саша становится носителем загадочного синего кварца, её жизнь разрывается между наукой и необъяснимым. Однако сила кварца — не дар, а древний механизм, и у него есть хозяева, которые многое знают о границах сознания, природе души и цене сверхчеловеческой эволюции.

ISBN 978-5-00-695572-1

© Сорокоумова Н.
© Издательские решения

Содержание

Синий кварц	6
I	7
II	11
III	14
IV	19
V	22
VI	29
VII	34
VIII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Синий кварц

Наталья Сорокоумова

© Наталья Сорокоумова, 2026

ISBN 978-5-0069-5572-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синий кварц

...О, да, теперь они всё знают – эти крепкие парни в штатском, с цепким взглядом и оттопыренными боками хорошо пошитых пиджаков... И не просто так они прогуливаются в аэропорту, а ждут они Сашку, им уже сообщили – ходит тут дамочка, умная такая, создает угрозу национальной безопасности. И знают они, где искать нужную им вещь – везде установлены сканнеры, видеокамеры, прощупывают, раздевают лучами рентгена, невидимыми пальцами исследуют все шрамики и точки на теле. Есть у них теперь даже такая штука, как тепловизор – они все ещё уверены, что кварц дает сильное изменение температуры тела. Нет, ребятки – всё это мы проходили, и знаем, что ваши приборчики-устройства – бессильны.

Вас я ещё боюсь, ребята в штатском, боюсь физически – вы меня одним кулаком перешибете, пикнуть не успею, думала Саша.

Кто—то думает, что она распространяет какой-то вирус... Ха! Это страшнее вируса. Для правительства, конечно. И для тех, кто вершит судьбы народов. Они боятся Сашки не меньше, чем она их. Но она готова рисковать жизнью ради своей планеты – результат того стоит...

I

Некоторое время назад...

Этот чудной сон снился Саше уже третий раз. Приход его она чувствовала заранее – что-то начинало щекотать область солнечного сплетения, как предвкушение чуда, чего-то долгожданного, светлого...

...Снова она теряет сознание посреди бескрайнего поля созревшей пшеницы (и почему всегда именно там?). Секунду назад Саша оглядывала трепещущий от зноя горизонт – и вдруг наваливается темнота, сбивается мысль, за ушами ползет противный холодок, на глаза давит что-то тяжелое... В следующий момент сильные руки выхватывают Сашу из небытия, и сильно, даже слишком сильно, бесцеремонно встряхивают, как мокрое белье перед просушкой.

– Наконец-то ты здесь, – с облегчением выдохнул парень и положил свои руки Саше на плечи. – Значит, мы докричались.

Удивительно, но она предвидела каждое его слово и каждое свое. Она оглядывалась и видела то, что уже видела, кажется, не раз – то ли военная база, то космический корабль, то ли исследовательский институт. Вокруг все бело-зеленое, сплошь прозрачные внутренние стены, но нет ни одного окна. Хотя, нет – окно есть, прямо за спиной того парня, что приветствовал Сашу. Окно белое-белое, словно затянутое туманом, и в жидком колебании его чувствуется движение.

Экраны, кнопки, консоли, динамики, микрофоны, металлические столы, похожие на операционные. Очень много людей вокруг – и все молодые, стройные, в форменной одежде, которая напоминает мягкий, перламутровый, податливый пластик. Большинство из них смотрит напряженно – словно ждет какого-то Сашкиного ответа, будто бы от него зависит их судьба. Остальные находятся в рабочем движении, но взгляды их, так или иначе, обращаются к Саше.

Она не знала ни одного из них, но знала их всех. И они её знали, причем – с самой лучшей стороны.

Кто же они? Выправка у них военная – короткие стрижки, строгая осанка, уверенные спокойные глаза. Но почему все такие молодые?

– Ты должна им все рассказать, – сказал парень. – Если они не поверят тебе, значит – не поверят никому.

– Я всего лишь одна из семи миллиардов человек, – ответила Саша. – Ребята, вы не того вытащили. Вам бы к правительствам обратиться. К президентам. У меня и знакомых-то нет в структурах власти.

– Мы пытались, – сказал парень. – Но ты же видишь, что мы можем общаться только на ментальном уровне. А таких, кто может слышать и говорить, как мы, у вас на Земле всего несколько человек. Но это ничего. Ты сможешь. Ты тоже докричишься, как мы до тебя.

Как его зовут? Лок? Ликус? Локтус?

– Лик, меня зовут Лик, – сказал он. Но как же...? А, ментальное общение... – Пойдем, я кое-что покажу тебе.

Она уже знала, что он покажет, и сердце замерло в предвкушении. Под руку Сашу взяла и повела девушка – белокурая, словно фея с детской картинки. Лик подошел к прозрачной витрине.

За стеклом лежал камень. Он был похож на кусок скальной породы – неровный и серый, с острыми, как кинжал, краями. Девушка достала этот кусок, сжала его в ладонях, и внезапно он стал ярко-синим, почти прозрачным, с легкой неуловимой молочностью в самой глубине. Он не светился, но вокруг него будто бы все озарилось призрачным синим светом. Камень приковывал взгляд, не хотелось отрываться от него.

Саша протянула к нему руку.

– Боже! – прошептала она. – Какая красота! Как он называется?

Лик назвал его, но во сне название проскользнуло мимо сознания.

– Достаточно одной крупинки, – сказал Лик и пальцами отломил едва заметную частичку минерала. – Нужно втереть в кожу в любом месте. В запястье, плечо, шею. Он проникнет в тело, и сразу активизирует нервную систему. Каждый нерв станет антенной. Сознание мгновенно подключится к общему информационному полю планеты. Индивидуальное сознание станет общим, общее – индивидуальным. Любой из вас узнает все, что знает весь мир, почувствует каждого человека. Нельзя будет утаить секреты. Воровство станет невозможным – оно будет совершаться на глазах у миллионов. Насилие станет невозможным. Убийство станет невозможным.

Он аккуратно положил крупинку Саше на ладонь... В ней – власть. Нет, не власть – отсутствие власти. Мы узнаем тайные мысли друг друга. Все скелеты вывалятся из шкафов.

– Значит, индивидуальностей больше не будет? – спросила Саша.

– Индивидуальность не исчезнет, – возразил Лик. – Но информационное поле Земли позволит каждому запрашивать информацию о происходящем, видеть темные стороны и светлые стороны событий, видеть и знать истинную правду о тех, кто имеет власть и кто влияет на жизнь большого количества людей.

– И никто не сможет обманывать? – прошептала Саша пораженно.

– Никто.

Острая чешуйка минерала сияла на ладони... Имеет ли она право воспользоваться ею? Имеет ли она право вмешаться в течение жизни на Земле и вывернуть наизнанку все тайны человечества?...

...А почему, собственно, не имеет? Сколько раз её обманывали в магазине, обвешивали, обсчитывали, и не только её, а каждого, хотя бы раз в жизни?! Сколько раз предавали близкие люди, любимые люди? А она – их? Ну, было, было – чего уж тут закрываться! Сколько раз правительство обманывало народ, чиновники запускало лапки в казну государства, СМИ обеспечивало поддержку страха и паники? А этот пресловутый конец Света 2012 года, гарантию которого подписали вымершие майя, а с садистской радостью подтвердили именитые ученые и исследователи? Конец Света не случился, зато случилась массовая истерия. У Сашки было множество знакомых, которые всерьез готовились к апокалипсису, закупили свечи, продукты и топливо, замаливали грехи и копали бункеры. А сколько несчастных, поддавшихся лживой информации, покончили с собой только из-за страха ожидания невыносимых мучений! Одна близкая подруга 22 декабря 2012 года в приступе животного испуга так набралась спиртного, готовясь к смерти, что чуть было действительно не отправилась на тот свет... Откачали врачи, низкий поклон им. Подруга теперь критична и недоверчива ко всякого рода слухам... А эти все министры, отстраивающие особняки за государственный счет и клятвенно заверяющие, что богатства преподнесены в подарок или принадлежат родственникам жены... Нагайкой – по их оголенному задку, нагайкой!

Правда, как правило, жестока. Люди часто не хотят знать правду – они хотят верить в лучшее. Имеет ли Саша право в одночасье лишить людей сладких заблуждений?

Впрочем, эти молодые люди, окружавшие её, считают – имеет право. Кто они? Откуда? С какой планеты? Зачем им отдавать людям этот минерал, да еще через такое ничтожное существо, как Саша? Отдают ли они себе отчет...?

– Вы имеете право знать, – сказал Лик. – Вы должны знать. Мы все во Вселенной – с одними корнями, и никто не заслужил несправедливости и неправды.

...Никаких больше лживых диагнозов... лживых признаний в любви... лживых обещаний... Не будет поцелуев без взаимной страсти. Не будет чужих и брошенных детей. Вранья

«Я никогда не лгал тебе! Я всегда буду рядом! Ты единственная женщина в моей жизни!...» – не будет. И надежда – тоже станет призрачной...

...У вас – рак!... У вас не будет детей!... Вы уродливы!... вместо «Будем бороться с болезнью вместе!... Будем лечиться!... Вам так идет розовый цвет!»...

Вдруг – встряска, словно в пол ударили чем-то тяжелым... Короткий общий вздох, и все взгляды обратились к Саше.

– Кто вы такие? – спросила она. – Вдруг вы – враги? А если вы только и ждете момента, чтобы поработить Землю? Откуда мне знать?

Несколько десятков улыбок в ответ. Она и так знала, что говорит ерунду. Знала. Позвоночником чуяла, как говорит один её знакомый.

– Мы будем там же, в общем поле, – сказал Лик. – Мы поможем.

Она посмотрела прямо ему прямо в глаза – удивительно чистые, спокойные, открытые глаза, синие, как этот таинственный минерал. Лик трижды повторил его название, сказал «запомни!». Она произнесла название, конечно не запомнив. Перлит? Бирлит? Простое и знакомое слово, которое никак не произнести во сне... Снова удар в пол.

– Земля в опасности! – сказал Лик тревожно, оборачиваясь к окну. – Надо спешить!

Он шагнул к ней, протянул руку и что сказал еще, но она уже не слышала – упругие нити тянули Сашу к пробуждению, вопреки желанию. Она тщетно пыталась вернуться, услышать, что говорил Лик...

Синяя чешуйка внезапно иглой впиалась в кожу, да с такой яростью, что Сашка вскрикнула и попыталась ногтями отодрать кристалл... Но он, вибрируя, проникал все глубже, а голова взрывалась болью, и Саша уже не понимала, что происходит – сон, явь, обморок...

Она попыталась закричать, но только захрипела... Её кожа наливалась молочным сиянием, сквозь нее, ставшую почти прозрачной, она увидела синие и красные сосуды, белые нити нервов и сокращающиеся темные мышцы... И все тело засветилось, заискрилось, как елочная скомканная гирлянда... Тщетно Саша скребла кожу – никак не достать синий камушек, замкнувший всю нервную системы на прием сигналов из Вселенной...

Вот-вот она станет частью общего информационного поля... Сейчас вольётся мощный поток вселенского знания и бедная её, нерезиновая головушка взорвется ко всем чертям, потому что не готова она к этому, не хочет, не может, боится...!!!!

Какая странная наступила тишина. Секунду назад всё внутри горело и взрывалось, и... тишина.

...Закон – истина. Истина – Закон. Бог – человек. И человек – Бог... Нет боли там, где есть истина и Бог. Нет страха здесь, где жизнью управляет истина и Закон. Здесь все прозрачно и все непроницаемо. Здесь нет смерти, потому что истина бессмертна, а истина – в каждом сознании.

Саше больше не было больно, ничуть. Поток силы овладел разумом – она поднялась до небес и увидела себя крохотной-крохотной, малюсенькой частичкой огромного Общества. Она видела, как делятся клетки пшеничного зерна и вытягиваются в живой росток. Она знала, из чего состоит Солнце и созвездия. Она видела, как ложь приобретает материальность и рассыпается в прах, поглощенная истиной. Это было блаженство Знания. Это было погружение в истинное Знание. Нирвана.

Саша могла пошевелить пальцем и создать «эффект бабочки» – разрушить целую вечность одним движением, но власть не туманила голову, не дурманила и не опьяняла, мысли были одновременно собственными и множественно-чужими. Она видела каждого и знала всех, по одному её требованию рождались картины прошлого и настоящего, истинные чувства горели красными огнями в темноте, и она свободно читала их.

Какое же прекрасное чувство охватило её!... Не было в этом мире не грехов, ни стыда, ни страха – было единое благостное знание, протянувшее свои нити через все миры и вре-

мена, объединило всех детей космических пространств, и вокруг в космосе были люди-друзья и единство вечной Правды.

Как чудесно было плыть по реке космоса и созерцать... Будет трудно людям – на них свалятся все тайны мироздания. Будет невыносимо больно очищаться от лжи и грехов. Очень больно – но только одну неуловимую секунду. Кратчайший миг. Сотую долю мига. А потом – покой и чистота мыслей, помыслов, блаженство духа и тела, которое обещают в раю все мировые религии, но которое здесь рядом, сию минуту, а не потом когда-нибудь, может быть. Рай не после смерти, а сейчас, немедленно...

Это что ж? Разрушится вся структура общественного обмана, построенная мировым правительством и гениями экономики? Начнется паника? Начнет рушиться привычный, устаканенный мир, пусть и не идеальный, но наш, родной, со всеми его недостатками? А может – произойдет моментальное исцеление прогнившего и смердящего общества? Этакая массовая прививка от тьмы.

Да, я хочу этого, сказала себе Саша. И прививки, и секундной агонии всего человечества, и безумного страха тех, кому есть чего бояться, когда всем и каждому откроется вся правда... Хочу. Хочу, чтобы моя маленькая, но уже такая взрослая Прасковья могла свободно гулять допоздна, любоваться звездами, совершать вылазки в горы и в степь, не доводя меня до исступления неизвестностью своего местонахождения. Хочется, чтоб она тоже видела всю подноготную своих друзей, и чтоб они видели ее сущность. Хочу очиститься ото лжи, и чтобы другие скинули с себя ее бремя. Увы, многие и многие связи разрушатся – ненадолго, потому что настоящая любовь и дружба станут доступнее и еще прекраснее, и не нужно будет стесняться чувств...

Несколько минут блаженства... и внезапно – встрепенулся и истерично заверещал будильник...

Опять проснулась на самом интересном месте. Эти странные ребята в третий раз пытаются сообщить важные сведения, но будильник неизменно вытаскивает её в реальность.

Ну что ж, долг зовет. Пора на работу.

II

Был у Саши дядька – геолог. Ну, как дядька? Какой-то то ли дальний родственник по отцовской линии, то ли муж дальней родственницы. К бабушке летом на море приезжало много людей – она по именам их никогда не запоминала, была ребенком, да и не интересна тогда ей была вся эта структура многочисленного рода. Но дядьку она запомнила.

Звали его Георгич. По имени его никто никогда не называл – только Георгич, да Георгич. Геолог он был настоящий, как в кино показывают – с бородой от кадыка, с обветренной продубленной кожей, постоянными цыпками на корявых руках, и с неизменной трубкой во рту. Правда, она никогда не дымила. Лет ему тогда было едва за сорок, наверное, а Сашке, десятилетней девчонке, он казался уже глубоким стариком. Он страшно не любил детей – если собиралась у бабушкиных ворот толпа малышни, да начинала шуметь – Георгич становился грозен и суров: одного его взгляда из-под косматых бровей было достаточно, чтобы стаю ребят сдувало к другим воротам...

Но Сашу он почему-то принимал за свою породу. Может, потому что она не любила шумных игр, а предпочитала посидеть дома с книжкой. Однажды она обмолвилась, что обожает книги о космических приключениях, и даже пытается писать свои собственные рассказы... Он удивился, попросил почитать, она скромно отказала – так и завязалась первая беседа...

– Космос, говоришь? – дядька шумно уселся в кресле и усмехнулся... Прямо как в песне: «ко мне постучался косматый геолог, и, глядя на карту на белой стене, он усмехнулся мне...» – Космос – это, конечно, интересно. А вот геология – куда интересней...

– Что же там может быть интересного? – заупрямилась Саша. – Ходишь по степям-горам-пустыням, камешки ищешь... В холоде, под дождем, на одной только тушенке живешь...

– Ну да, ну да, – легко согласился дядька. – И так тоже можно сказать... Романтики немного, хоть в песнях и поют разное. Но есть у меня пара баек; старые геологи любят у костра потрепаться на сон грядущий... Знаешь – чайк с костра, с дымком, вокруг тишина, тайга или степь, комарики звенят, дух такой... – он зажмурился, а Саша прямо-таки почувствовала вкус того самого чая. И даже сглотнула.

Дальше она уже слушала, как завороженная.

– Бывало, примкнет к нам какой-нибудь местный товарищ – бродяжка или просто любопытный, такого порасскажет – уши вянут... А иной раз – заснуть после тех рассказов не можешь, всякое мерещиться начинает... Вот однажды были мы в одной интересной местности – Барсакельмес называется. Знаешь, где это? В Казахстане, на Аральском море. Сначала островком был, теперь уже воды-то вокруг нет почти. Странное местечко такое, в переводе означает «Пойдешь – не вернешься». А ещё – Сужок зовут, «безводье», значит. Местные старики то место не посещают – дурным считают, гиблым, а молодежь любопытствует, значит, эксперименты ставит – кто на спор, кто на интерес. И вот один такой экспериментатор прилепился к нашей группе – пристал, паршивец, как клещ, говорит, что видал он камешки чудные в том районе... Вроде, камешки как камешки, а если человек в руки возьмет – то будущее узрит. И камешки те прямо в песке разбросаны. Ну, ладно, послушали его, похотали. Про всякие чудные камешки сколько уж слышали, басни складывать многие могут... Посмеялись, значит, а парнишка обидчивый попался – обозлился, раскричался чего-то, вот-вот заплачет... Я тогда помоложе был, всех подряд жалел. И этого пожалел. Когда все уже успокоились, я ему потихоньку говорю: покажи, дескать, место, страсть как поглядеть хочется... Он, бедный, обрадовался, аж засветился. Покажу, говорит, не только само место, но и камешки те, скажу, как искать... Ладно, ждем ночи. На солончаках луна красиво так отсвечивает, фонаря не надо. А местный старик-казах, что нам воду чистую обеспечивал, говорил – и НЛО тут видали,

и всяких нечистей загадочных, и люди пропадают на ровном месте... А мне – что? Молодой, жалостливый, комсомолец к тому ж. Комсомольцы в нечисть не верят!

Ну, стало быть, потихоньку мы выбрались из юрты, где ночевали, да тихим ходом пошлепали куда-то, невесть куда. Шлепаем, шлепаем, луна высоко, ночь прохладная, воздух без пыли, легкий ветерок, тишина – хорошо так! Вдруг – откуда-то пошел нарастающий гул, вроде как самолет тяжелый летит, приближается. Тяжелый, вязкий такой гул... Мой проводник резко остановился, а я в думках шел, чуть на него не налетел... Чего, спрашиваю... Он молча мне рукой в небо тычет... И вижу я – как будто с неба легкая голубая дымка летит, спускается медленно... Не дымка даже, а как платок большой, шифоновый... Мерцает, переливается... Я на него смотрю, а проводник мой шепчет: стало быть, найдем камешек сегодня, как туман прилетает – так камешки горят в песке, далеко видно... Я про себя думаю: что ж такое это? Газ, может, типа болотного? Или другие какие природные чудеса?... Тут проводник меня хватает за руку, да как дернет вперед... Я – за ним... Бежим к голубой дымке этой, как угорелые, проводник на ходу что-то бормочет по-своему, на казахском, то ли молитву, то ли просто ругается – не поймешь... Глядим, дымка упала на песок и исчезла, словно в песок впиталась... Подбежали. Проводник на колени упал, чудной, да давай голыми руками тот песок разгребать, я – вместе с ним. Пыхтим, стараемся... И тут мне в руку будто что-то вонзилось – как иголка под ноготь... Больно стало – жуть, аж взвыл я... Рукой трясусь, пытаюсь разглядеть – чего там вонзилось. Только бы не скорпион, думаю. А потом как-то стало мне нехорошо – в сон потянуло, весь расслабился, мягкий стал, чувствую – падаю... Свалился, значит, мешком на песок, а в голове мысль – скорпион все-таки цапнул... Лежу как труп, пошевелиться не могу, слово сказать не могу, ещё гул этот, в легких так и бьется, рвет легкие, я только дыхание беречь стараюсь, и слышу – мой проводник с кем-то ругается... Глазами туда-сюда, где он? И вижу – стоит он ко мне спиной, а перед ним – фигура какая-то, причем фигура шевелится, как простыня на ветру. Стало мне так жутко, что если б встать мог – деру бы дал на четвертой скорости... А так – лежу, трясусь весь и слушаю... Говорят по-русски вроде как, а о чем – не пойму... Что-то про кварц, и про подключение, и про правду... Мой-то парень ругается, возмущается – мол, зачем вы с ходу-то в цепь втыкаете, рано... А ему отвечает голос – женский, мужской – не понять, успокаивает, мол всё в порядке, форсируем события ради будущего, главное, чтобы в плохие руки не попало... Что-то ещё, и ещё, но я уже не слышал – всё в туман словно ухнуло, звуки как из банки... Потом чую – подхватили меня, потащили...

Он замолчал, посопел в пустую трубку. Саша не смела моргнуть и вздохнуть. Бабушка чем-то грохнула на кухне – Саша вздрогнула всем телом...

Георгич тоже как бы вздрогнул.

– Ну? – шепотом спросила Сашка. – Дядечка Георгич, ну?

– Да-а-а... – протянул он задумчиво. – Было дело... Ну, в общем, очухался я уже в юрте...

Старик Абдразак меня водой холодной в чувство приводил, кумысом отпаивал. Хорошая вещь – кумыс... Вроде как квас молочный, но и сытный, и пьяный, и нервы лечит. А нервы у меня тогда сдали полностью – всю ночь выл я волком от страха, метался, даже связали меня товарищи. Под утро полегчало, говорить смог. Говорить-то смог, а рассказать не могу толком, что случилось. Парень тот, Нурмамет его звали, принес меня на плечах ночью, в юрту закинул и сбежал. Так что никто и понять не мог, что меня в такое состояние привело. Потом я кое-как сказал, что укусил меня кто-то в песке. Раздели меня, осмотрели всего – ни укуса, ни покраснения, ни опухолей каких... Чисто. Только вот между пальцами, гляди-ка, как шрамик остался, туда-то меня и тюкнуло ночью. Пару дней почесался – и всё.

Он снова замолчал.

– Дядя Георгич, – сказала Саша, – а что, камешки-то те вы видали?

– Камешки? – удивленно переспросил он.

– Камешки, что вам проводник показать обещал, которые будущее видеть помогают...

– Ну, камешки-то... Камешки-то видел, вроде кварц это был. Синий.

И снова замолчал. Бабушка звала обедать.

– Ты, знаешь, чадо, чего скажу? – Георгич наклонился близко-близко, так что она увидела его глубоко вдавленные глаза – зрачки были темно-серые, свинцовые, с черными прожилками. – Вот ты говоришь, рассказы пишешь... Так вот историйку эту досочиняй сама потом. Хорошая историйка будет.

– Да что это за историйка? – удивилась Саша. – А мораль? А выводы? А сюжет, в конце концов?

– Ах, умница моя, – он внезапно улыбнулся, да так, что всё лицо его засияло. – Вывод простой, деточка – после того укуса я больше никогда не болел ни разу, интуиция у меня развилась – дай боже, нюх стал, как у собаки, даже лучше – нефть чую за километры, а уж золотые жилы – и говорить нечего...

– Так кто ж укусил-то? В самом деле, скорпион? – засмеялась Саша.

– Нет, – в момент посерьезнев, сказал он. – Камешек укусил, самую малость цапнул. А вишь, что стало...

– А что стало?

– А что стало – то стало! – развеселился Георгич на ровном месте. – Пошли, писательница, борщ лопать – о таком борще, как бабуля варит, песни складывать надо!

И, похахатывая, он схватил Сашу за бока, легко перебросил на плечо и так уволок на кухню...

С дядькой они встречались ещё несколько раз – летом, когда он приезжал на неделю «с морем поговорить», по его словам. Байки он ещё потом разные рассказывал – помнила Саша их отрывочно. Про тот укус кварца он больше не напоминал. Она сама как-то заикнулась, пожелав продолжить тему, но он загадочно поднес палец к губам, сказал только:

– Помни, писака ты моя, историйка хорошая выйдет...

... Впрочем, эту байку Саша на долгие годы забыла. Мало интересовали её камни вообще, даже драгоценные, и описывать странную историю, да ещё придумывать интригующее окончание она никогда не старалась. Георгич остался в памяти странным чудачком, чужаком, изредка нарушавшего обыденность курортного отдыха.

И только вот, вдруг, после несколько раз повторившегося удивительного сна, лишённого разумного объяснения, всплыл из далекого прошлого и Георгич с его косматыми бровями и удивительно молодыми, яркими глазами, и загадочный синий кварц, название которому геолог не дал...

Синий кварц. Вот откуда Саше знакомо это название. Может быть, это разум играет с ней дурную шутку, зачем-то открывая глубины памяти и замысловато переплетая быль и небыль? Но почему – сейчас, больше двадцати лет спустя, внезапно?

Не доверять подсознанию Саша не умела. Именно подсознание помогало ей и писать книги, и выживать в трудное время, и воспитывать маленькую, на пятнадцать лет младше её, Прасковью, оставленную погибшими родителями на Сашкино попечение, и искать положительные моменты там, где их быть в принципе не могло. Подсознание научило её смириться с теми событиями и обстоятельствами, которые лично она не могла изменить или на которые никак не могла повлиять; оно держало её в железных рукавицах в минуты отчаянья, и не давало встать на колени перед судьбой. Оно спасло Сашку. И она доверяла своему внутреннему голосу.

III

Работала Саша в небольшом частном издательстве, писала на заказ – романтические истории на годовщину свадеб, «детские» дневники для молодых и энергичных родителей, желающих преподнести своему чаду книжку со сказками, где главным героем было бы непременно само чадушко, иногда заказывали даже трогательные некрологи и полные высокой патетики благодарственные речи... Платили неплохо, да и напрягаться особенно не приходилось – запросы заказчиков редко выходили из рамок стандарта, чаще всего использовался выбранный шаблон и подгонялся под нехитрые требования клиента.

У Саши шаблонов было много, и на любой вкус – хочешь, приключения в космосе, хочешь, романтические сказки, а хочешь – сухой академический язык с простым изложением биографии и заслуг заказчика. Это экономило и время, и нервы, а главное – недовольных клиентов за десять лет существования издательства не было.

Так что, у Саши оставалось время и на «халтуру» – писала она сочинения для школьников и студентов, курсовые, и даже дипломные работы: материала в издательстве было полно, и в подмогу – интернет. Саша научилась так ловко перефразировать скачанные из сети тексты, что уличить её в плагиате было практически невозможно. Для души она ещё писала произведения, которые отсылала на литературные конкурсы под одним и тем же псевдонимом – Натан Александров; в другом издательстве уже вышли несколько её романов и сборников рассказов, прибыли от которых было не много, но зато они тешили самолюбие и мотивировали к дальнейшей работе.

Иногда случалось, что какой-нибудь собственный хитрый сюжет, родившийся под впечатлением увиденного или услышанного, буквально изводил Сашу, не давая сосредоточиться на основной работе, и тогда она писала запойно, сутками напролет, с перерывом только на чай или бутерброд, и снова – писала, писала, писала, пока запал не заканчивался, или пока готовое сочинение не было вычитано, отшлифовано и готово к публикации. В такие дни она никогда не могла осмысленно ответить на Пашкины расспросы, переставала различать реальность и свой выдуманный мир, могла вдруг среди ночи, разбуженная внезапно родившимися диалогами или целыми сценами, выпрыгнуть из постели и просидеть до рассвета за компьютером, усердно стуча клавишами.

Прасковья в такие дни старалась быть предельно внимательной, и по совести следила за Александрой: ведь та, задумавшись почти до обморока, могла поставить кипящий чайник в холодильник, или вылить на раскаленную сковороду квас вместо растительного масла, или вообще переставала отзываться на своё имя, машинально разговаривая тщательно выписанными и отрепетированными по сто раз диалогами своих придуманных героев. Однажды Прасковья, задыхаясь от смеха, даже сняла на мобильник короткое кино, в котором Саша, улегшись на постель и глядя в потолок, вслух рассуждала о необходимости высадки на какую-то загадочную, но, судя по размышлениям, опасную планету под названием Ничья Радость, а потом, в ответ на Пашкин шуточный вопрос «Что будем делать, капитан?», Саша вскочила и бросилась к компьютеру, на ходу давая неизвестно кому отрывистые и четкие команды: рулевой, маневр уклонения!... включить защитные экраны!... инженерный отсек, доложить о готовности перехода в импульсный режим полета!...

Потом они вдвоем хохотали, просматривая «кино». И это была вся Саша, способная одновременно проживать жизнь в двух мирах – настоящем и фантазийном. Впрочем, Прасковья тоже далеко не ушла от неё – уже с детских лет, взбудораженная сказками на ночь, она легко придумывала свои собственные, которые, ещё не умея записывать, зарисовывала, как получалось. Десятки альбомов бережно хранились в коробках, как память.

Впрочем, такие моменты вдохновения были редки. Неторопливая и ровная Сашина жизнь, украшенная стандартными отпусками на море, в доме старенькой бабушки, вылазками на пикники и дружескими посиделками с ближайшими друзьями, не отличалась яркими событиями, и особо не провоцировала всплески художественного воображения.

Но этот синий кварц... впился в мысли, как клещ.

Сон не давал покоя. Какие-то новые воспоминания из детства, из юности, из давным-давно прочитанного всплывали мутными отрывками, их трудно было разделить на отдельные картинки и оживить, понять от начала до конца... Разговоры родителей... Бабушкины сказки... Байки Георгича... Запретные территории... Тайны мира...

Стоп, сказала себе Саша, осознав, что в данный момент перед ней сидит клиентка и пытается изложить ей свое видение романтического «дневника». Александра, ты на работе, не отвлекайся, упустишь заказ...

Она с большим усилием вернула себя в реальность. Молоденькая длинноногая девушка уже привлекла к объяснению свои тонкие пальчики с искусственными ногтями под «френч», но и этого было недостаточно.

– Ну, понима-а-ете-е-э, – растягивала она слова, вероятно пытаясь соответствовать разговорной манере гламурных телевизионных див, – у нас с Мусико-ам было не так много приключений... пока что... и я хочу-у-у его замотивировать. У меня мно-о-го-о-а снимков, и я представлю достаточно матери-и-ала.

Сашин взгляд упал на изящное запястье клиентки – толстый золотой браслет в виде свернувшегося в кольцо дракончика было усыпано кристаллами глубокого синего цвета.

– И во-ат я бы хотела, чтобы в дневнике как бы отразились те события, которые могли бы быть, но не слу-учили-ись... пока что..

– Пираты, сокровища, спасение красавиц, – задумчиво сказала Саша, глядя на браслет. Игра камней завораживала.

– Чего-а? – не поняла клиентка.

Сашка вздрогнула.

– Это для примера, – ответила она. – Вариантов же много... Занятный у вас браслет.

Клиентка посмотрела на украшение.

– Да—а—а, – довольно протянула она. – Это африканские са-апфиры. Мусичка—а привез из командировки.

– Сапфиры? – переспросила Саша, сразу теряя интерес к камням.

Клиентка вдруг быстро оглянулась по сторонам, словно опасаясь, что кто-то может подслушать. Убедившись, что в пределах слышимости никого нет, она доверительно наклонилась к Саше:

– Во-аобще, это кристаллы Сваровски. Сапфиры я продала, Мусичка-а иногда не понимает, сколько денег нужно приличной девушке, чтобы поддерживать красоту. Но пусть это останется между нами, оке-эй?

Да, подумала Саша, денег тебе точно нужно много – прическа, одежда, туфельки, сумочка явно не с турецкого бутика, золото на пальчиках, макияж тоже не сама делаешь...

– Окей, – ответила она. – У нас – как на исповеди: все сказанное не покидает стен кабинета.

– Как – где? – искренне заинтересовалась клиентка.

– В супер навороченном сейфе, – пояснила Саша. – Вернемся к нашему дневнику. Как вам идея с пиратами? Есть фотки с моря?

– Нет, – расстроилась клиентка, – только с океана.

– Ну-у-у, как-нибудь отфотошопим, – Саша быстро проглядела фотографии. Надо же, не поленилась распечатать... – Скажем, ваш Мусичка в книжке будет пиратом, вы – принцес-

сой, он будет искать сокровища, а найдет вас... и т. д. Оформим множеством фотографий, захватывающий сюжет обеспечу, макет обложки – на ваш выбор...

Клиентка радостно захлопала в ладошки:

– У меня и флешка есть, если нужны ещё снимки.

Сашка сунула ей в руки толстенный каталог вариантов оформления книги, но клиентка быстро пролистала и вернула его со словами:

– Я целиком вам доверяю.

– Черновой вариант ваших приключений будет готов дней через пять... Когда у вас годовщина?

– Через три недели.

– Три недели... Маловато.

– Я заплачу за срочность! – испугалась клиентка, теряя «гламурный» акцент.

Саша искоса глянула на неё. Татуированные бровки девушки жалобно взметнулись вверх.

– Это обсудите с менеджером, – сказала Саша. – Обычно мы просим месяц времени.

Клиентка метнула быстрый взгляд на Сашин бейджик и горестным шепотом, не жалея пафосных интонаций, произнесла:

– Сашенька, счастье моего мужа – в ваших руках!

Конечно, в руках...

– Я позвоню вам послезавтра, – сказала Саша. – Обсудим макет обложки, и я сделаю наброски текста.

– Са-ашенька, вы – ангел! – клиентка радостно упорхнула, сияя огромными глазами и лакированной сумочкой.

Наброски, наброски... Саша выудила из файла вордовский текст – Морские приключения. Вариантов было несколько – экшн а-ля «Пираты Карибского моря», романтика «Одиссеи капитана Блада», кошмарик в стиле «Челюстей» и – как же без классики? – сокращенная версия «Детей капитана Гранта». За десять лет работы только однажды просили сделать книжку «по типу Алых парусов». Но только однажды. «Пираты Карибского моря» шли в лидерах. Кто только не побывал в роли храброго Орландо Блума и красавицы Киры Найтли! Скука.

Собственно, черновой вариант «Пиратов» был готов уже через час – изменялись только имена главных героев, сюжет почти никогда не претерпевал изменений, но и на этот случай у Саши были готовы шаблоны. В таких случаях всегда вспоминался Саше сюжет из книжки про Незнайку: жил-был один художник, который рисовал всех жителей своего маленького города, а те ну очень хотели выглядеть на портрете идеально – большие глаза, маленький ротик, ровный носик, и требовали от художника соблюдения этих четких инструкций. В итоге художник скатился до того, что сделал несколько трафаретов, рисовал по ним, добавляя немного сходства с оригиналом в виде родинок, цвета глаз и волос. Халтура. Штамповка. Художник в книжке очень из-за этого переживал. Сашка – нет.

Часть фотографий она отсканировала, часть скопировала с флешки, вместе с текстом сбросила на верстку дизайнеру. Всё – девяносто процентов работы сделано.

Остаток рабочего дня Саша провела во «всемирной паутине», продолжая изучать синий кварц – благо, контроля со стороны начальства за авторами не было почти никакого: сдал работу на верстку – жди следующего клиента.

Все возможные варианты минералов, начинающихся на пер-, бер-, вер-, пир-, бир-, пере-, пири- и так далее, и оканчивающихся на —лит, были найдены, изучены и отбракованы. Перлит оказался горной породой вулканического происхождения, применялся как дренаж в цветочных горшках; берлит – мягким минералом, теллуру-висмутовой группы; непонятный верлит – таинственной оливиновой диаллаговой породой, содержащей загадочную роговую обманку; прочие варианты вообще не существовали, как названия.

Пришлось отталкиваться от того, что минерал во сне имел синюю окраску и, скорее всего, был каким-то редким кварцем.

К вечеру Саша уже вела активные «диалоги» на форумах по минералогии. Информация по синему кварцу была скупа, умещалась в несколько строчек, которые копировались друг у друга и с одного и того же источника разными сайтами, и оказалась весьма противоречива. Одни авторы утверждали, что натуральных синих кварцев не бывает, другие – что они достаточно редко, но все же встречаются. Оказалось, что и названий у синих кристаллов множество – в зависимости от оттенка: фиолетово-синий – иолит, синеватый, непрозрачный, грубозернистый – сапфировый кварц, ярко-синий, прозрачный, искусственно выращенный – перунит, индиго-синий – лазуревый кварц, нежно-голубой – сапфирин... А ещё – одновременно хрупкий и необычайно прочный кианит, который невозможно расколоть поперек, но который легко царапается ножом вдоль кристалла... Обладали все эти кварцы, по мнению литотерапевтов, одинаковыми лечебными свойствами, положительно влияли на энергетику в целом; были рекомендации по ношению кварцевых украшений и для каждого знака зодиака отдельно. Красиво смотрелись они в ювелирных изделиях, делали из них и всякого рода талисманы – как, впрочем, и из любых других драгоценных и полудрагоценных камней. Применялись кварцы в качестве пьезо-электриков, в часовых механизмах.

В разных вариантах изложения информация о синем кварце исчерпывалась этими скудными данными. Ничего мистического или необычного в нем не было, но он был в Сашкином сне, и это казалось ей достаточным для того, чтобы продолжить изыскания. Болтовня на форумах тоже не принесла каких-либо значимых результатов – в ответ на запросы присылались всё те же многократно скопированные ссылки на уже изученные источники.

Сходились мнения интернетовских «специалистов» в одном – кварц есть кварц, и какого бы цвета и происхождения он не был, свойства его схожи, и ничего таинственного с ним не связано.

Ну, может быть, только хрустальные черепа – наследие очень далекого прошлого, исследования которых вроде бы и проводились, но серьезных выводов не делалось.

Словом – ноль полезной информации.

Саша достала мобильный телефон, набрала бабушкин номер.

Старушка обрадовалась чрезвычайно, и буквально за минуту завалила Сашу новостями о родственниках: женился, родился, крестился, умер, приехал, познакомился, заболел-выздоровел... Саша едва смогла пробиться через новостной поток:

– Бабушка, ты помнишь, к тебе часто дядька приезжал, геолог, волосатый такой, Георгич? Какой-то дальний родственник...

– Георгич? Нет, не помню, – щебетала бабуля. – А Пашенька где? Летом-то приедете? Я ж комнату пристроила – будут у вас отдельные апартаменты... Отпуск тебе дадут?

– Дадут, дадут.. Приедем... Бабулечка, мне очень надо, правда... Ну, вспомни, здоровый такой мужик, каждое лето ж приезжал... Его все звали Георгич. Ему сейчас под семьдесят.

– Да какой Георгич-геолог? Не было у нас никаких геологов...

– У него жену Виолетта звали! – сказала Саша нервно.

– Ах, Витка, что ли?... Да, мужа её отчество Георгич было – твоего отца то ли сват, то брат...

– Неважно, бабулечка! Мне бы его данные какие-нибудь!

– Вспо-о-омнила, душа моя... Уж сколько лет не приезжал, да и Виолетты давно на свете нет – через неё связь держалась.

Саша не сдавалась:

– Хотя бы имя полное его знаешь?

– Знаю, конечно, колоритный такой был, болтун, – бабушка засмеялась своим воспоминаниям. – Ещё тот любитель девок... И меня всё тоже глазками-то провожал, а я-то старше...

Всеволод Георгиевич Редедич его звали. А чего вспомнила-то? Ты ж последний раз с ним ребенком ещё виделась!

– Вдруг вспомнила, повод был... – сказала Сашка. – Телефон, адрес Георгия есть? Может, открытки присылал, письма?

– А ведь присылал! – вскинулась бабушка. – Присылал! С Новым годом поздравлял! Только давно.

– Откуда, с какого города?

– Ох, упомнишь разве.

– Бабулечка, поищи открытку – я перезвоню.

– Да найдешь разве её, – проворчала бабушка.

Тем не менее, когда через час Саша перезвонила, открытка уже была найдена и прочтена. Обратного адреса Георгия не указал, но на размытом штампе стояло – Аральск-б.

IV

Есть такие люди – если ими овладевает идея, они бросят на её реализацию все силы и старание, не жалея ни времени, ни сил, жертвуя сном и общением с друзьями, забывая про еду и отдых. Они будут строить сотни вариантов планов, протопчут десятки дорог, попадут в тупик и, не раздумывая, вернуться к отправной точке, начнут заново. Такие люди инициативны, горячи, энергичны, их мало кто понимает, ещё меньше – поддерживает, но без них было бы скучно жить.

Навязчивая идея не давала Саше покоя, и дома от зоркого Пашкиного взгляда не ускользнула необычайная задумчивость её. Привычная ко всякому роду проявлениям писательского экстаза, Пашка, тем не менее, настойчиво принялась выпытывать причины подобного состояния и выпытала-таки. Саша рассказала и про сон, и про всё, что накопила про синий кварц, и про байки Георгия.

На Прасковью это произвело такое же впечатление, какое производит мячик на игрового щенка – она сразу загорелась идеей принять активное участие в Сашиних изысканиях, ни на секунду не сомневаясь в том, что сон – вещий, а байки – правдивые.

Она тут же нырнула в интернет, выудила номер телефона института минералогии, позвонила туда и записала Сашу на ближайшую экскурсию – чтоб получить информацию, так сказать, из первых, более профессиональных, чем форумы, рук. На этом её «активное участие» было приостановлено поздним временем и необходимостью готовить уроки. Впрочем, и этого было достаточно – про экскурсию в институт и музей минералогии Саша как-то и не догадалась сама.

Оставалась вероятность, что удастся отыскать загадочного дальнего родственника – геолога Всеволода Георгиевича Редедича.

Саша оккупировала все подступы к интернету и, не обращая внимания на громкие протесты Прасковьи, потратила несколько вечеров на поиск следов человека с редчайшей фамилией.

Разумеется, что ни на одном популярном социальном сайте он не был зарегистрирован – люди старшего поколения в большинстве своем осторожны и недоверчиво относятся к интернету. И потом – далекий Аральск-6, по данным Википедии, был брошенным после развала Советского Союза военным городком, там вроде бы давно никто не жил, дома уже разрушились от времени и набегов сталкеров, растащивших строения по кирпичику. Находился этот скелет славного прошлого в нескольких километрах от Аральска – некогда города рыбаков, переживших лучшие богатые года по использованию ресурсов Аральского моря, потом – его стремительного усыхания, и вновь терпеливо ждущих возвращения моря. И вроде как, благодаря стараниям общественности, правительства, зарубежных фондов и просто добрых людей, после возведения дамбы море действительно стало наполняться, появилась надежда, что когда-нибудь оно дойдет до города, и бесполезные сейчас пристани и причалы вновь обретут хозяев.

Вокруг Аральска существовало сразу несколько военных городков, в том числе и на печально знаменитом острове Возрождения, первоначально названных островом имени царя Николая Первого, неофициально именовавшихся в том числе и Царскими Островами за красоту заливов, богатые уловы рыбы, водоплавающей живности, тучные стада сайгаков и уникальную флору. Советский Союз имел там бактериологический полигон, и каких только слухов и домыслов не ходило вокруг острова. Правда же была строго засекречена, и даже спустя годы про полигон обывателям было мало что известно. Редкие любопытствующие осмеливались проделать долгое путешествие туда через Казахстан или Узбекистан. А если и осмеливались, то неправдоподобные повествования их больше напоминали красочные и жуткие пересказы местных рыбаков и жителей о каких-то чудовищных волнах, возникающих вокруг

острова, о двухголовых сайгаках, о рыбах-змеях, способных утянуть на дно неосторожных купальщиков, о стонущих призраках замученных подопытных животных и людей в полуразрушенных домах, о всяческих огнях в небе над аэродромом Царских островов и прочих чудесах.

В интернете было полным-полно таких историй, и они так же, как и сведения о синем кварце, бесконечно дублировали друг друга, ссылались на одни и те же источники.

Аральск-6 Саша внимательно изучила по картам Гугла – если верить снимкам, там действительно и жить-то было негде, все разрушено, и почты там своей не существовало, так что происхождение штампа на открытке годичной давности вызывало сомнение, зато рядом проходила действующая железная дорога. Как оказался в заброшенном военном городке старый геолог Георгич и что он там вообще делал – оставалось загадкой. Конечно, он мог быть там как-то проездом, отправив письмо на железнодорожной станции, и не обязательно Аральск-6 стал ему домом, но других зацепок по адресу просто не было.

Зато на просторах всемогущего, всевидящего и всезнающего интернета выскочила ссылка на статью некоего Севастополя (!!!) Редичева, геолога-минералога, кандидата всяческих незапоминающихся наук, члена-корреспондента и так далее. Статья была более чем странная. Излагалась в ней краткая суть необходимости, и почему-то неизбежности перехода человечества на питание (!!!) «кварцевыми кристаллами» – потому де, что шестигранная структура кварца лучшим образом соответствует строению человеческого тела и его водной основе; что это самая близкая к человеку самогенерирующаяся (бессмертная) система, порождающая энергию и направляющая ее на свое развитие...

Статья показалась Саше такой нелепой, что она запойно и с восторгом прочитала её всю.

Кристаллы кварца, утверждал автор с изумляющим разум именем Севастополь, самое невероятное творение природы, и изначально они заряжены энергией развития. Скрытая в них энергия, потребленная человеком, внутри белкового тела создает удивительные вибрации, подстраивая клетки под свою форму и возможности. Кварцевые кристаллы наиболее близки человеку по своему геометрическому строению, но в человеке отсутствует ось, он не может понять свою геометрию, и ему нужно время для ее становления, так что питание кварцами – это наиболее подходящее питание для определения, восстановления и поддержания геометрии тела, что в итоге довело бы энергоресурс человека до силы, которую имеет порох при взрыве. Или, по крайней мере, почавкивая кварцем, человек сможет легко жить тысячу лет.

Люди, по одной из версий, оказывается, произошли из кристаллов, который выделил первое семя. Что это был за кристалл, сказать сегодня сложно. Возможно, он соответствовал по своей структуре хрусталу, на который указывают римляне, в частности, Плиний Старший, определявший не только структуру кристалла, но и его аромат. Впрочем, возможно, речь идет и не об одном кристалле, а о целой их группе. Согласно Иоанну Богослову, человек состоит из двенадцати кристаллов, которые образуют тринадцатый – его душу.

Простых кварцев, в итоге, автору оказалось недостаточно. Продолжая тему питания, он писал, что кварцы – только подготовительная, самая простая, фаза для перехода на питание более сложными по физическому и геометрическому строению кристаллами, например, алмазами, нефритами, аметистами. Это позволит человеческому разуму развиваться настолько, что одним усилием мысли мы сможем путешествовать по галактике без космических кораблей, посещать другие планеты, обогатить свою духовность до уровня святости, понять законы Вселенной и законы самого разума. Безграничные возможности... Боги.

Конечно, все было не так просто – начать потреблять кристаллы горного хрусталя и алмаза вот так, с нуля, автор категорически запрещал. Необходимо пройти тщательную настройку путем тесного контакта с выбранным видом кварца, а это было, по его мнению, доступно людям с высокой изначальной духовностью, сильнейшей волей и прочее. В общем, требовалось наличие звания «йога», как минимум.

Ужас, подумала Саша. Мы – потомки кристаллов. Живые камни. Мертвые камни. Живые люди и мертвые люди. Или – живые кристаллы и мертвые люди? Кристаллы зарождаются, растут, развиваются, как-то даже взаимодействуют друг с другом, влияют на окружающий мир, возможно и опытом обмениваются, эволюционируют (а что? Да!) – есть даже такая наука, как онтогенез минералов, которая всё это дело изучает. А живы ли мы, люди, по-настоящему, питаюсь трупами животных, продуктами их жизнедеятельности типа молока, оторванными от родной ветки плодами, которые, по сути, в ту же секунду тоже становятся мертвыми? Потенциальные мертвецы питаются специально выращенной мертвечиной... Фу. Другое дело – невинные кварцы, вырастающие не на смерти, а на жизни, пульсации, биении её, скрывающие в своих кристаллических решетках сведения о чистой энергии космоса и Земли, воле, силе, разуме, совершенстве. Мы съедим близкий нам по энергетике кварц, совсем маленькую крупичку, и она внутри нас раскроет свои записанные файлы, как диск, вставленный в диск-вод – пользуйтесь информацией, как считаете нужным. Не так ли действует тот синий кварц, и вообще – не так ли действуют любые природные кристаллы на человека, введенные тем или иным способом в тело? Съешь ли ты его, или вотрешь под кожу, или введешь внутривенно – кристалл будет активирован, как какая-нибудь современная компьютерная программа, и... Да, ведь во все времена существовали особо одаренные личности, которые пользовались кристаллами для считывания событий будущего и прошлого. И пусть чаще они использовали хрустальные шары, и лишь прикасались к ним руками, а часто – вообще не прикасались, а вглядывались в шары, но ведь и взгляд имеет массу... Тяжелый взгляд... Испепелил взглядом... Придавил взглядом... Окрылил взглядом... Тот же физический контакт...

О чем это я, подумала Саша, спохватившись. Ах, да, о том, что мы рождены из кристаллов и в кристаллы должны превратиться... из праха пришел – в прах же и обратишься... Нет, не то.

– А чего у тебя камера мигает? – спросила вдруг Пашка, оторвавшись от учебника. – Уже нашла единомышленников по своему кварцу?

– Не включала, – удивленно ответила Саша, пощелкала кнопками. Встроенный в ноутбук красный глазок видеокамеры погас. – Глючит, видимо...

– Инопланетяне подключились, – хихикнула Прасковья.

Инопланетяне, подумала Саша... Живые кристаллы, которые дали нам жизнь и стремятся теперь в неё вернуться. Или вернуть к жизни человечество.

К статье Севастополя Редича был написан отзыв – некто Смирнов Владимир Михайлович, доктор геолого-минералогических наук, кратенько резюмировал: отлично, Севка, размажь их всех! Завидую твоей смелости.

И, вдруг – вместо «желаю удачи» в отзыве был указан электронный адрес Смирнова. Саша быстро набросала письмо:

«Добрый день. Вы писали отзыв к статье Севастополя Редича в интернете на сайте (.....). Меня очень заинтересовал автор. Есть ли у вас какие-нибудь сведения о нем, и не является ли имя „Севастополь Редич“ на самом деле псевдонимом Всеволода Георгиевича Редедича, геолога со стажем и просто хорошего человека? Буду признательна за любой ответ. Александра Глебова».

– Сестрица моя дорогая, – зевнула Прасковья. – Может, уже займемся избиением подушек и удушением одеял? Спать хочется. У меня завтра семь уроков и контрольная.

– Ещё пять минут.

Зажегся огонек камеры на компьютере.

Да что ж такое, подумала Саша.

Отключился интернет. Опять поработала, называется...

V

– У нас одна из самых больших коллекций цветных кварцев в мире, – сказала экскурсовод – сухощавая до дистрофизма женщина лет сорока. Саша поглядывала на неё и все никак не могла отделаться от мысли, что экскурсовод фигурой похожа на карандаш: длинная, без выраженных первичных половых признаков, с узкими, сильно покатыми плечами, вытянутым лицом почти без макияжа, огромными серьгами-кольцами в оттянутых мочках, и уродливой причёской – редкие волосы были зачесаны на макушку и завязаны в «фигушку», отчего лицо ещё более удлинялось и старилось. На запястьях экскурсовода болтались многочисленные браслеты – серебро с чернью, с узорами и гладкие, которые при взмахе рук, поднятии их и вообще любом движении громко звенели. На шее отчетливо выделялись натянутые до предела жилы – при повороте головы они ещё больше натягивались, и Сашка напряженно поджимала губы, рассматривая её жилы – вдруг порвутся. На понимание текста, произносимого экскурсоводом, времени не оставалось – Сашка то отвлекалась на звенящие браслеты, то на шею женщины.

Вообще вся затея с походом в музей минералогии оказалась провальной. Мало того, что ждать, пока соберется группа из восьми человек, пришлось несколько дней, а индивидуальных экскурсий не предусматривалось, так ещё и экскурсия показалась Саше скучной, невыразительной и бесполезной. Они уже час ходили по многочисленным залам музея, но к кварцам дошли только что, и все устали, внимание рассеивалось, экскурсовод сама старалась поскорей отделаться от группы и уйти. Поэтому на все возникающие вопросы она отвечала: «позже, господа, позже», отлично понимая, что, в конце концов, вопросы забудутся, и она сможет спокойно пойти на обед, не теряя времени. Текст экскурсовод тарабанила механически – никакого блеска в глазах и творческого подхода к объяснениям.

– Среди раритетных собраний музея имеется коллекция кварцев с разными минеральными включениями, насчитывающая сто двадцать три экспоната. Основу этой коллекции составляет старинное собрание кварцев-волосатиков из Невьянских золотоносных россыпей... Многообразие форм самого распространенного на земле семейства кремнеземов поражает воображение. Здесь и горный хрусталь, и аметист, и дымчатый кварц, более известный нам под названием раухтопаз, и розовый кварц, и цитрин...

– А есть у вас в коллекции синий кварц? – вдруг спросила Сашка.

Экскурсовод сбилась с темпа, затуманенным взором посмотрела на неё, помедлила всего лишь мгновение и четко ответила:

– Природных синих кварцев в природе не существует. Только синтетические. Но все вопросы – позже.

– Как же? Халцедон. Разве нет?

– Девушка, вы отвлекаете, – нахмурилась экскурсовод.

– Ну а все-таки?

– Ладно, – твердо ответила женщина, – большинство халцедонов лавандового цвета, то есть скорее фиолетовые, чем синие, но известен и материал из нескольких мест – в частности, из Намибии, который проявляет отчетливый синий цвет.

Существует также природные кварцы, имеющие синюю окраску благодаря обильным микроскопическим включениям других минералов ярко-синего цвета.

– И все они – непрозрачны?

– Нет, из-за включений – непрозрачны. Кварцы синего цвета, окрашенные не за счет включений «инородных» минералов, не известны.

– А дьюмортерит? – не унималась Сашка.

– Дьюмортерит – не кварц, но редкий драгоценный камень, известны только несколько экземпляров.. И у нас в коллекции их нет... Позвольте продолжить?

– Да, конечно, – милостиво разрешила Саша. Ничего нового она не узнала. Ей снова стало скучно.

Экскурсовод недобро пошевелила тонкими бровями и принялась тарабанить дальше:

– Кварц интересен в любых своих проявлениях – и чистые прозрачные камни, и кварцы с включениями других минералов, создающими необыкновенные картины – «лесные пейзажи» и «снежные бури» – обрамленные в золото или в серебро. Кварцы несут в себе истинную природную красоту. Это всегда достаточно твердый камень, и ювелиры используют его с древнейших времен для создания украшений. Палитра драгоценных изделий с кварцем необычайно широкая и разнообразная.

Саша потихонечку отошла от группы – следующий, и последний зал был заполнен коллекцией метеоритов.

– ... Но жемчужиной музея по праву считается уникальная коллекция «Восьмое чудо света», экспонатами которой являются микрокартины, запечатленные самой природой на срезах камней, в основном агатов и яшм. Для того, чтобы насладиться удивительной красотой природной живописи некоторых экземпляров, придется взять в руки увеличительное стекло, потому что невооруженным глазом нельзя в полной мере оценить тонкое великолепие этих шедевров, – вещала ей вслед экскурсовод.

Саша медленно пошла вдоль витрин. Каждый экспонат был снабжен не только табличкой с надписью, но и краткой историей. Была тут глыба железо-каменного метеорита из Красноярского Края (табличка гласила, что это уже только часть огромного космического гостя, распиленного на части и развезенного по нескольким музеям). Саша отошла на шаг, прищурилась – громадина. Какого же размера он был на самом деле?

Было множество фотографий – падения метеоритов, кратеры в разных частях света, зарисовки «с натуры» сгорающих в небе глыб.

Саша прогулялась туда-сюда и уже решила уходить, тем более, что ничего интересного для себя она не нашла, но тут взгляд её упал на стенд «Наши сотрудники». Приблизившись, она стала читать фамилии и наткнулась на Смирнова Владимира Михайловича. Серьезный лысоватый дядька с усами-щетками в упор смотрел на Сашу.

В зал вошла позевывающая группа.

– Простите, – вновь оборвала Саша речь экскурсовода, – а где я могу найти Смирнова Владимира Михайловича? Он работает у вас?

– Работает, – с ненавистью ответила женщина. – Вам зачем?

– Он друг... эээ... моего знакомого. Я должна передать ему... кое-что.

– По коридору налево, в самом конце дверь.

В темном коридоре не горело ни одной лампы, только в дальнем конце слабо светилось окно – видимо, выходило оно на стену рядом стоящего дома. Саша достала мобильник и пошла прямо, подсвечивая таблички на дверях.

Действительно, на последней двери, уже около тусклого матового окна, висел на ленте скотча бумажный лист с распечатанной на принтере надписью – доктор геолого-минералогических наук, Смирнов В. М.

Саша замерла на мгновение – что она скажет, если доктор окажется на месте? И, как всегда, положившись на вдохновение и ситуацию, она стукнула в толстенную дверь.

– Да! – крикнул ей голос. – Войдите.

Саша с трудом оттянула на себя дверь, сунула голову в кабинет и вежливо произнесла:

– Здравствуйте, Владимир Михайлович. Вы позволите вас побеспокоить?

– Вы по диссертации из ВУЗа? – спросил он. – Жду, заходите.

Небольшой узкий кабинет с двух сторон был зажат вместительными шкапами с образцами, папками, книгами, журналами. За заваленным бумагами столом сидел Смирнов – внушительный немолодой усатый дядька, с блестящей, словно отполированной лысиной и плохо выбритыми вялыми щеками. Уставшие красноватые глаза его оторвались от записей и внимательно посмотрели на Сашу, смело прошедшую к столу и без приглашения усевшуюся на стул.

– Вы ведь аспирантка Дымова? – спросил он. – Мне звонили насчет вас. Чем могу помочь?

– Нет, а не от Дымова.

– От кого же? – нахмурился доктор геолого-минералогических наук, но его редкие клочкастые брови грозными Саше не показались.

– Я больше по личному вопросу. Я разыскиваю одного человека. Возможно, вы с ним были знакомы. Всеволод Георгиевич Редедич. Я потеряла с ним связь много лет назад.

– Всеволод Георгиевич Редедич? – Владимир Михайлович с подозрением взглянул на Сашу снизу вверх. – Ну, был знаком. А вам, девушка, какое дело?

– Я его родственница, – спокойно ответила Саша. – Я вам писала на электронную почту, буквально пару дней назад. Вы оставляли в интернете отзыв на статью Севастополя Редича...

– Кого-о-о? – изумленно вскинул он брови. – Севастополя?

– Да, статья была подписана этим именем. И вы, или ваш полный тезка с вашими же полными регалиями, оставил отзыв: размажь их всех, завидую твоей храбрости. Статья была о питании кварцевыми кристаллами, пицца йогов, или что-то вроде того. Я думаю, что Севастополь Редич – это псевдоним Всеволода Георгиевича. Близко по звучанию, и потом – тема занятная, дядя мне часто рассказывал всякие сказки про кварцы, в детстве.

– Не помню ничего подобного. Всеволод такой ерундой не баловался, серьезный был человек. Питание кристаллами... Первый раз слышу.

Он напряженно смотрел на неё, но почему-то не предлагал покинуть кабинет.

– Я писатель, – сказала Саша. – Собираю материал для новой книги. Посвящение геологам, в какой-то степени. Сейчас мало об этом пишут. И дядю разыскиваю по этой же причине – он путешественник со стажем, геолог, человек с фантазией. У нас бы с ним получилась отличная книга.

– Понятно, – протянул Владимир Михайлович. Что-то менялось в его глазах – отчужденность сменилась меланхоличной затуманенностью, словно он увидел или прикоснулся к чему-то давно забытому, но милому его сердцу. Он не спешил выпроводить незнакомую просительницу, хотя гостя явно отрывала его от важных дел – он то и дело поглядывал на разложенные листки, где делал пометки. – А почему именно Редедич? Вы же можешь найти более обширные источники информации, встретиться с другими опытными геологами, на форумах пообщаться. Я тоже могу много порассказать – поддерживать тему геологии в книге лично мне было бы интересно.

– Это принципиально – найти дядю, – твердо сказала Саша. – Именно он в детстве дал мне верное жизненное направление. Я хочу отдать ему долг.

– Похвально... Как вас, девушка, зовут?

– Александра Глебова.

– Глебова... Глебова... Знакомая фамилия...

– А главное – редкая, – сказала Саша. – Дядя рассказывал мне про синий кварц...

– Синий кварц? – резко прервал Владимир Михайлович, поднялся из-за стола и подошел к Саше. Он оказался низенького роста – за столом ученым выглядел солидно, но на деле только мощный торс создавал обманчивое впечатление высокого роста. Короткие ноги же сводили на нет это впечатление, придавая фигуре некоторую комичность. Впрочем, Саша, испытывавшая инстинктивное уважение к умным людям, забавным это не нашла. Ей даже грустно подумалось отчего-то: доставалось же Смирнову в детстве от одноклассников, наверняка.

Седые усы топорщились.

– Вообще он много чего рассказывал, но про синий кварц мне особенно запомнилось. Красивые истории. И именно их я хотела положить в основу книги. Легенды и факты, перемешанные в одном котле приключений и открытий... Синий кварц, открывающий людям доступ к тайным знаниям и возможностям, к так называемому информационному полю Земли... Борьба человека с самим собой, метания его между желанием использовать силу кварца во благо планеты и естественным стремлением своей порочной стороны к власти над людьми, – Саша говорила, а сама внимательно приглядывалась к лицу Смирнова.

– Круто заварено. Но не ново.

– Алгоритмы сюжетов и действий героев в книгах классиков тоже не блещут разнообразием. Однако, Тургенев и Толстой с множественными одинаковыми проблемами и трагическими смертями главных героев в своих романах всегда неповторимы и уникальны. Одна и та же история может быть рассказана по-разному, с разными выводами.

Смирнов хмыкнул.

– Белинский – ваша фамилия... Но – возможно, возможно... Значит, кварц?

– Да, синий кварц.

– А почему вы считаете, что кварц, открывающий доступ к информационному полю Землю, должен быть обязательно синим? – спросил Владимир Михайлович, нервно прохаживаясь по тесному кабинету. Саша отметила, что он без конца переплетает сложенные в за спиной в замок короткие толстые пальцы – словно бы они болели и он никак не мог найти для них удобного положения.

– Не то что бы я настаивала... – Саша следила за ученым глазами: на мгновение ей показалось, что он совсем не хочет слышать её ответа, и ему все равно, что она скажет – лишь бы говорила и отвлекала его от каких-то собственных мыслей. – Я же говорю: я собираю материал для книги. И синий цвет в ней – преобладающий. Ну, понимаете – дети-индиго, синяя чakra третьего глаза, цвет интуитивного мышления, покоя... Цвет бездны. Конечный и бесконечный. Синий – это просто красиво. Скажем, это выбранный мною цвет для эмоциональной окраски всего повествования. Все эмоции имеют свою окраску.

– Конечный и бесконечный... – пробормотал Владимир Михайлович. – Да, да, наверное... Но не обязательно же он должен быть синим... Голубым – может быть... Вода в море для глаза тоже синяя, а нальешь в стакан – прозрачная, бесцветная... Может, всё дело именно в концентрации? Наполненности? Плотности информации на один кубический миллиметр?...

– Чего? – спросила Сашка.

Владимир Михайлович дернулся, словно очнулся. Удивленно взглянул на Сашу, будто только осознав, что она сидит в его кабинете. Усы его топорщились, на помятых щеках выступили красноватые пятна.

В его глазах зажегся интерес – Саша невольно задела какую-то тонкую струну, заставила внезапно вернуться к давним прерванным мыслям.

Он вдруг резко сел на стул напротив Саши – даже упал, а не сел, так что теперь уже вздрогнула она.

– Послушайте, Александра, – сказал он, приблизив к ней лицо. – Это ведь всё не просто так.

– Что – всё? – шепотом переспросила Саша.

– Да всё... Кварцы... Цвет... Есть понятие судьбы – она как дорога, ведущая избранного к единственно возможному результату. А дорога складывается из событий, которые вроде бы никак не связаны с конечной целью, однако это так.

– Это вы о чем? – насторожилась Саша. – Я, вообще-то, просто хотела от вас получить информацию о дяде. Но если...

– Есть легенда, – перебил Смирнов, не слушая её, – что давным-давно, когда только зарождалась человеческая форма жизни на Земле, к нам прилетали некие существа... откуда-то из глубин Вселенной...

– А, – улыбнулась Саша, – я тоже смотрю канал «Загадки и Открытия»...

– Да какой там канал?... При чем тут канал?... Фу, сбила. Так вот – существа прилетали сюда в надежде найти братьев по разуму, ну или поживиться чем-то, или преследовали какую-то личную цель, и не обязательно мирную... Но встретили здесь не разумных существ, а лишь зачатки просыпающегося разума, который кто-то до них оставил в человекообразных обезьянах.

– Вы верите в это? – опять улыбнулась Саша.

– Верю? – осекся он и рассердился: – Почему – верю? Я знаю. И существа узнали почерк ещё более интеллектуально развитой цивилизации. Они, конечно, попытались установить контакт с первобытными людьми, но, думаю, успехом это не увенчалось. Конечно, кто-то из наиболее сообразительных и талантливых дикарей, – а такие есть в любом обществе, даже самом примитивном, – так был впечатлен появлением существ, не похожих на его сородичей, что зарисовал их на стенах своей однокомнатной, без удобств, пещеры. Существа побывали в разных частях света, что-то искали. Но, в итоге, им пришлось паковать чемоданы и лететь дальше. Впрочем, тут начинается самое странное и загадочное. Они не смогли улететь просто так – почему-то жизненно необходимым им показалось оставить на нашей планете часть своих знаний. Вероятно, они верили, что, развившись, человечество будет достойно присоединиться к Вселенскому разуму и Единому Информационному Полю. Существа записали информацию на кристаллах, возможно – кварцевых, и поместили под землю. Кристаллы могли расти и далее накапливать сведения о планете, чтобы в один из дней человечество воспользовалось данными. Произойдет это только тогда, когда масса просветленных и готовых к высшему знанию людей станет критической, основной. Или, как вариант, родится человек, предназначенный для прочтения информации и способный изменить сознание нашей цивилизации в сторону созидания и миролюбия. Это определит судьба. А пока кристаллы не найдены. Их называют Вечными Хранителями.

– Кто называет? – поинтересовалась Саша.

– Как – кто? Посвященные в легенду. Теперь ты тоже посвящена.

– Кто же первый узнал о Вечных Хранителях? Ведь существа общались только с дикарями, неандертальцами...

Владимир Михайлович внезапно толкнул Сашу ладонью в плечо и сердито сказал:

– Вы вообще слушаете или нет?

Саша опешила от такой бесцеремонности, но с достоинством ответила:

– Что вы себе позволяете? Слушаю, конечно.

– Я же говорю – информация об этих кристаллах сохранена в генетической памяти человека! Некоторые индивидуумы знают о Вечных Хранителях с момента рождения! Подсознательно.

– Так вы не говорили!

– Разве? – расстроился он. – А, ну да, упустил. Вот такая история о кварцах.

– В Тибете такие кристаллы называют Чинтамани. Я читала книги Мулдашева, – сказала Саша.

– Нет, те – другие камни, это сервера, объединяющие работу всех остальных кристаллов, спрятанных по всему миру. Про Чантамани знает множество людей, а про Хранителей Вечности – единицы. Гитлер тоже искал Чинтамани, потому что был не посвященным. И кто знает, что было бы с миром, узнай он о Хранителях. Но есть ещё те, кто жизнь положит, чтобы найти их и воспользоваться накопленными знаниями. Охотники за кладами. Собиратели денег.

В местах закладки кристаллов есть особые знаки, метки. Например, там строили храмы, оставляли менгиры и мегалиты. Кто знает метки – легко найдет и кристаллы.

– Какие же все-таки знания они хранят?

– Разве мало знаний? О ментальных атаках и методах защиты от них, о просветлении духа, о совершенствовании тела, и звездах и Галактиках, о строении Вселенной, о бессмертии, наконец... На самом деле, никто точно не знает, что они хранят. Возможно, что те знания никогда не пригодятся человечеству – в силу различий восприятия мира. Кстати сказать, в древности многие народности не знали о синем цвете, в некоторых языках вообще нет слово «синий». Есть «голубой», «темно-голубой»... А «синего» нет. Предполагается, что когда-то глаз человека просто не различал синий цвет, как не может сейчас видеть ультрафиолет, например. Хотя и тут есть исключения. Был у меня один аспирант, так он...

Саша покачала головой и усмехнулась.

– Что смешного? – спросил Владимир Михайлович.

– Да не понимаю я вас, господин ученый, – ответила она, вставая и одергивая одежду. – Вы меня даже не знаете, я посторонний человек, с улицы, а вы мне – про Хранителей, кварцы, легенды. И всё у вас так просто – я диву даюсь. А вдруг я – охотник за теми самими кварцами? Темная сторона Вселенной, стремящаяся усилить свою власть над Землей?

– Никакой темной стороны нет, – Владимир Михайлович вынул из кармана пачку из-под сигарет, задумчиво помял её в руках – она была пуста. – Есть глупость и невежество. Но они излечимы... А вы, Александра, что ж – всерьез восприняли мои байки?

Он засмеялся, глаза его изменились – туман в них исчез, исчезла и напряженность в лице, даже щеки разгладились. Ученый расслабился, откинулся на спинку стула и постучал пальцами по столу. Саша молча смотрела на него, не понимая.

– Какая же все-таки молодежь у нас наивная и простецкая, – сказал он. – Я таких баек тысячу расскажу – и пиши себе книги, сколько хочешь. Спросила про кварц, я рассказал легенду. Что ж здесь тайного и секретного? Эх, в комсомол вас всех надо, в походы, на БАМ, в тайгу – жизнь учить, в небо смотреть, людей изучать. Парниковые вы все, оранжерейные, нежные... мимозы...

Саша опустила глаза, молчала, отчаянно ругая себя – она сама знала о своей наивности и доверчивости, особенно верила она в такие истории, рассказываемые серьезными людьми с учеными степенями. Что ж, без лоха и жизнь плоха, как любит повторять Пашка. Ладно, воспримем это как развлечение.

– Да, поверила, – ответила Саша, закидывая сумку на плечо. – Я писатель, я вся в плену сюжетов и выдуманных героев. Спасибо, что потратили на меня время. И урок преподали.

– Не обижайтесь, Александра, – усмехнулся Владимир Михайлович в густые усы. Взгляд у него сделался хитрым, даже неприятным. – А про Всеволода—Севастополя так скажу: адрес у меня есть, и даже карту нарисую, как в Аральске его найти. Чудной он был старик – не знаю, жив ли по сей день, давно не общались. Вы его все-таки повидайте, если удастся – он ещё больше баек насочиняет, мильон в догонку, только успевай записывать.

Он порылся в столе, вынул блокнот, на вырванном листке что-то нарисовал, потом написал и протянул Саше.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарила она. – Я дяде от вас привет передам.

Он проводил её до дверей, вышел следом в коридор. У окна стояла экскурсоводша. На скрип двери она обернулась и пристально взглянула на Владимира Михайловича. Саша отметила, что под её взглядом он сжался вдруг, поник, стал ещё ниже ростом.

– Ступайте, ступайте, – пробормотал он. – Как поправите вашу диссертацию – милости прошу, ещё раз обсудим... Материала теперь у вас достаточно... Работайте, сроки соблюдайте... Дымову рекомендации мои передайте – пусть не филонит, подлец. Всё, до свидания.

Он торопливо потянул на себя тяжелую дверь. Инстинктивно Саша сорвалась на ложь:

– Да, я через неделю всё верну, – сказала она. Потом повернулась к застывшей экскурсоводше: – Спасибо за экскурсию. Мне понравилось. Всего хорошего.

– И вам, и вам, – ответила женщина.

Саша быстро преодолела сумрачный коридор и вышла в светлый зал с метеоритами. Ей стало тревожно – неосознанно тревожно. Она развернула сложенный листочек из блокнота. На одной стороне действительно был начерчен простецкий план и написан адрес Георгича, а на другой стороне коряво и торопливо Владимир Михайлович начертал – Будь благоразумна. Хорошее напутствие. А главное – такое же бестолковое, как и вся затея с поиском синего кварца.

Она вышла на улицу и зажмурилась от яркого солнца. Задержался мобильник в кармане, звонила Прасковья.

– Как контрольную написала? – спросила Саша.

– Наверное, хорошо... Слушай, а зачем ты жесткий диск отформатировала? Там все мои фотографии были!

– Как? – не поняла Саша. – Пашка, ты комп сломала, что ли?

– Не успела. Кто-то до меня это сделал. Включила, а он пустой. Попросила Лешку глянуть... Ну, ты знаешь Лешку, наш прыщавый хакер-сосед, за мной бегал когда-то... Так он сказал – диск отформатирован.

– Ёлки-палки, у меня ж там заказ был незаконченный, хотела дома доработать! – Сашка с досадой засопела в телефон. – Придется на работу топать.

– С компом-то что делать?

– У тебя ж личный хакер есть, пусть устанавливает всё, что надо. Разрешаю даже угостить его чаем с печеньем.

– Сашок, мы в ответственности за тех, кого приручили. Он же за мной, как привязанный ходить будет, – засмеялась Пашка.

– Даю тебе карт-бланш, поступай в соответствии с ситуацией.

– Есть, мой капитан! – серьезно сказала Прасковья. – Приказ выполняю. Конец связи.

Саша спустилась по длинным ступеням к улице, остановилась на светофоре. Из-за угла вывернул микроавтобус – черный, с тонированными стеклами. Он резко затормозил перед заглядевшейся на летящие мимо машины Сашей, и оттуда выпрыгнули два атлета, затянутых в черные двубортные костюмы.

Один из них вежливо вынул из её руки мобильник, а второй, наклонившись к её уху и положив ладонь на плечо, выразительно сказал:

– Александра Николаевна, спокойно. Не кричите, и не пытайтесь сопротивляться. Следуйте за нами. Вам ничего плохо не сделают.

VI

Была у Саши одна странная психологическая черта – когда овладевал ею сильный испуг, врожденная интеллигентность исчезала и просыпалась наглость, этакая внутренняя злая базарная тетка, не стесняющаяся крепких словечек, грубая до безобразия, напористая, острая на язык и истеричная до безобразия.

И в тот момент, когда эти двое крепышей, в черных костюмах, вежливо и аккуратно подхватили её под белы ручки и увлекли в тонированный микроавтобус, Сашка безумно перепугалась. Она вообще боялась людей в форме – по этой причине не имела собственного автомобиля: только однажды на трассе остановил её сотрудник ГИБДД по случаю плохо закрытого багажника, а Сашкино второе «Я» на волне испуга уже вырвалось наружу и такое нагородило, что выпутываться пришлось долго и очень дорого.

Саша честным образом пыталась подавить в себе встрепенувшуюся «тетку», но было поздно: адреналин уже изливался в кровь, паника сменилась холодной уверенностью, и вместо того, чтобы смиренно усесться, покориться судьбе и ждать объяснений, Александра Николаевна принялась вырваться и наигранно истерить. Для начала она завизжала так, что крепыши на мгновение ослабили хватку – Сашка выскользнула из их рук и принималась причитать на всю улицу:

– Люди! Люди! Да что делается-то?! Посреди дня – хватают, похищают!... Люди!... Помо-ги-те-е-е!...

– Александра Николаевна, – строго сказал крепыш, хватая её за руку. – Прекратите немедленно!

Но побелевшая Сашка уже не контролировала себя. Она отбивалась и даже пыталась уку-сать крепыша, и отступала, отступала, прекрасно понимая, что такое интересное зрелище уже снимается на мобильные телефоны любопытными уличными «сам себе режиссерами», и даже если вернуться домой ей будет не суждено, так хоть эти манекеноподобные лица засветятся на Ю-тубе или Вконтакте под заголовком «Беспредел на улице. Смотреть до конца».

– Александра Николаевна, – говорил ей крепыш, а второй молча подталкивал в сторону микроавтобуса, – прекратите скандалить, мы не собираемся вас похищать. С вами просто погов-орят.

– Ага, поговорят! – билась в истерике Сашка. – А потом найдут за гаражами, с черным пакетом и шнурком на голове – дескать, несчастный случай, умерла от никтофобии!...

– Да прекратите же!

Наконец, они впихнули её в микроавтобус – несколько камер мобильных телефонов уста-вили на них, тщательно фиксируя номерные знаки. Ну, любят у нас люди быть причастными к общественным событиям. Особенно – к негативным.

Микроавтобус тронулся, Сашка по инерции ещё несколько минут трепыхалась, пыта-ясь побольнее заехать локтями по лицам своих охранников, одного даже царапнула ногтями. Но всё было бесполезно: машина стремительно мчалась по улице, а крепыши больше не реа-гировали на восклицания Сашки.

Окна автомобиля изнутри были занавешены, куда ехали – непонятно, но не долго: Саша не успела даже остыть после своих криков.

Возле серого, как каземат, здания, окруженного заросшим неряшливым парком, автобус остановился. Также, подхватив Сашу с боков, крепыши спокойно пронесли её через ободран-ный турникет, показали удостоверения суровому дядьке на входе и поднялись по лестнице, на второй этаж.

В здании было какое-то государственное учреждение – одинаково коротко стриженные и одинаково одетые в штатское люди молча проходили мимо, даже не глядя на взлохмаченную Сашу и её сопровождающих.

Стены в учреждении были голые и тоже серые – ни плакатов, ни информационных досок, даже на кабинетах отсутствовали надписи, сияли только новенькие, золотые ромбики табличек с номерами. Пахло почему-то сургучом и мокрой штукатуркой. Сыростью, в общем.

Самую последнюю по коридору дверь не украшал даже номер, и один из охранников открыл её без стука.

– Черти, руки отпустите, – вякнула Сашка. – Уже онемело всё.

Крепыши тотчас отпустили. Сашка преувеличенно страдальчески принялась разминать ладони и, гордо подняв голову, вошла в кабинет.

– Прошу прощения за грубость моих людей, – произнес мужской, хорошо поставленный голос. – Обычно они более вежливы.

– Вежливых горилл не бывает, – грубо ответила Сашка. – Вы что за фигура?

В комнате не было окон. У серой корявой стены стоял стол с яркой настольной лампой, возле стола – два обшарпанных стула. Навстречу Сашке поднялся ещё один крепыш. Этот, впрочем, отличался от своих коллег запоминающейся внешностью и живой, вежливой улыбкой. И глаза у него были живые – южные, черные, внимательные, такие нравятся женщинам, лицо – гладкое и молодое, а вот короткий ёжик волос почти сплошь седой – перец с солью, как говорят.

За Сашкиной спиной захлопнулась дверь.

– Вы присядьте, Александра Николаевна, – сказал крепыш. Ничего угрожающего ни в голосе, ни в манере поведения у него не было, но Сашкина «тетка» не успокаивалась.

– Присяду, присяду, – ответила она, демонстративно отодвигая стул и брезгливо сдувая с него пылинки. – Меня похитили посреди бела дня. На каком основании? Я прогуляю рабочий день. Меня ждут клиенты. Начальство.

– Я вас долго не задержу, и справку для начальства дам... если уж необходимо, – спокойно ответил крепыш, не потрудившись представиться. Сашка быстро окинула комнату взглядом – в углу, под потолком, помигивал глазок камеры. А под пиджаком крепыша отчетливо проглядывалось вздутие на боку – явно оружие. Сашка ломала голову – кому понадобилась её скромная персона?

– Хочу вас предупредить, что, по всей вероятности, сцену моего похищения уже могли выложить в социальных сетях, – напористо произнесла Сашка.

– О, да, пошумели вы профессионально, – улыбнулся крепыш. – Мы даже не ожидали. Интеллигентная дама, писатель, и отзывы о вас, как о человеке уравновешенном и не скандальном... И вдруг – такой взрыв.

– Какого черта вам нужно? – не слишком вежливо перебила Сашка. Будь у неё сигареты, она бы даже закурила, чтобы окончательно разрушить свою репутацию интеллигентной дамы, но Сашка сроду не курила.

– Прямота – это хорошо, – сказал крепыш. Сашка развалилась на стуле и закинула ногу на ногу – поза, которую на людях она себе никогда не позволяла. – Я тоже буду прям. Сегодня вы были в институте минералогии и интересовались синим кварцем. Почему?

– Что – почему? Почему – была? Или почему – интересовалась? – скучным голосом спросила Сашка.

– Почему интересовались?

– Что такого странного я сделала? – пожала плечом Сашка.

– И все же?

– Это запрещено законом?

– Это не запрещено законом, – терпеливо сказал крепыш.

– Тогда в чем проблема? – она выразительно посмотрела на часы. – Если я не нарушила закон, на каком основании вы меня задерживаете? Я, в конце концов, жаловаться буду!

– Ваше право. Почему вы интересовались синим кварцем? – повторил крепыш.

– А почему археологи ведут раскопки? А почему журналисты ездят в «горячие» точки?

А почему Толкиен приезжал в Россию?

– Кто? – переспросил крепыш. – Какой Толкиен?

– Писатель.

– При чем тут он?

– А при чем тут синий кварц? – спросила Сашка.

Крепыш присел на краешек стола, глядя сверху вниз на решительно настроенную Сашу. Глаза его были спокойны – такие же притягательные и горячие. Он хотел что-то сказать, но тут запищал его сотовый телефон – СМС.

– Вам инструкции прислали, – презрительно подсказала Саша. – Наверное, рекомендуют меня избить. Или отпустить.

Крепыш скопился на телефон.

– Не то, ни другое, – ответил он. – Послушайте, Александра Николаевна, я буду с вами предельно откровенен. Наша... организация... занимается исследованием минералов. В том числе и тех, что прилетают к нам из космоса. С метеоритами, например. Синий кварц – разновидность внеземного минерала, изучение которого чрезвычайно важно для нашей космической промышленности. Но дело в том, что... образцы его... были украдены.

Сашка вдруг хохотнула.

– А вы, я полагаю, старший научный сотрудник института по изучению кварцев, – сказала она. – И оружие у вас под мышкой – чисто для исследовательских целей? И камера под потолком – тоже для того же. И ваши... эээ... аспиранты в черных пиджаках собирают по городу информацию – кто интересуется синим кварцем.

Крепыш улыбался одними глазами.

– Почему вы спрашивали про синий кварц? – спросил он уже с нажимом.

Сашке начал надоедать разговор, да и «тетка» внутри неё никак не могла найти нужный выход и обрушить на собеседника горячую волну ругани.

– Я – писатель, – сообщила она. – Я собираю материалы для книги.

– Для какой книги?

– Фантастической! – взорвалась Сашка. – Я пишу фантастический роман! О живых камнях и мертвых людях! Мне показать черновики и наброски?

– Было бы интересно, – невозмутимо ответил крепыш.

– Нет их, – злорадно сказала Сашка. – Я не пишу черновики.

Опять пискнул телефон и опять крепыш быстро глянул на него. После короткой паузы, которая показалась Саше бесконечной, он вздохнул, подошел к двери и открыл её.

– Вы свободны, – сказал крепыш. – Всего хорошего.

Сашка не позволила отразиться на лице удивлению. Она сдернула сумку со стула и направилась к двери.

– Ваш телефон вам отдадут на выходе, – сказал крепыш.

– Вор на воре! – заявила она. «Тетка» в ней разочарованно засыпала, и вместо решительности Сашку стала накрывать дрожь.

...Домой она приехала поздно – сначала обошла вокруг здания, выяснила, что он является продолжением того самого «института минералогии», который она посетила менее часа назад («аспиранты» для дополнительного психологического давления, видимо, повозили её десять минут по улицам), потом долго шагала в толпе, пытаясь унять взбесившиеся мысли. От запоздалого страха и пережитого волнения её потряхивало, а потому прямо с порога она швырнула сумку на полку, скинула пальто на пол в коридоре и рванулась на кухню.

Пашка выглянула из комнаты и испуганно-изумленно спросила:

– Мать, ты чего?

– Коньяк есть?

Пашка метнулась к холодильнику и принесла полбутылки коньяка, стоял ещё с Нового года.

Сашка налила и залпом выпила несколько рюмок подряд.

Пашка села рядом за стол.

– Что-то случилось? – спросила она. – На работе?

Сашка вытерла губы – огонь растекался по пустому желудку, но стало только хуже – дрожь прошла, а непонятный страх – нет. Стало даже страшнее.

Что-то было не так, всё не просто. Экскурсовод выделила Сашку из группы – из-за её вопросов, и сразу сообщила, куда следует – мол, некая особа интересуется разновидностью кварца, который на Земле почти не встречается, и интересуется настойчиво.

Да что в этом такого? А если бы она заинтересовалась нефритом? Или лазуритом? Нет, всё дело в кварце. Именно – в синем кварце.

Внеземной минерал, принесенный метеоритом... Ага, как же! И про книгу крепыш не поверил, и про кражу образцов соврал. Неужели та мелочь, которую удалось наковырять Сашке в интернете и на экскурсии – настолько же важна, насколько и секретна? А что секретного – на любом сайте по минералогии о кварце целые диссертации выложены.

О кварце. Любом другом, но не о синем.

Может, поглощенная яркостью своего сна, Сашка невольно затронула тему, совершенно запрещенную для обсуждения? Кем запрещенную?

– Са-а-аш...

– Пашка, я куда-то вляпалась, – сказала Сашка. – Не понимаю, как и куда, и вообще – почему. Какие-то фэ-эс-бэшники выпытывали, по какой причине я интересуюсь синим кварцем.

– Фэ-эс-бэшники?

– Может, и нет, но на ученых они точно не похожи. Взяли прямо на выходе из института. Я чертовски перепугалась. Мобильник забрали...

– Ты последние дни только и говоришь, что о кварце, – произнесла Пашка. – Что за навязчивая идея? Нет, я понимаю – вдохновение и прочее... Но – почему именно кварц?

– Вот и красавчик-крепыш всё спрашивал – почему да почему, – Сашка с сомнением взглянула на недопитый коньяк. – А я не знаю – почему. Засело занозой – и всё. Я уже вокруг этого синего кварца сюжет наворачнула...

Пашка хохотнула.

– Смотри, Александра, придут за тобой «люди в черном»... Обвинят в похищении секретных технологий. А там – до измены Родине рукой подать.

– Иди-ка спать, дитя, – сказала Саша.

Вдруг зазвонил мобильник.

– Алло, – напряженно сказала Саша.

– Александра Николаевна, прошу прощения за поздний звонок, – ответила трубка голосом крепыша с выразительными глазами. Сашка задыхнулась от неожиданности. – Поскольку сегодня вы невольно затронули щекотливую тему утечки информации из нашего... института, я настоятельно рекомендую ни с кем не обсуждать это. Для вашей же собственной безопасности. Спокойной ночи.

Сашка смотрела на телефон.

– Красавчик, да? – шепотом спросила Пашка, насмешливо складывая губки бантиком.

– Они забирали мой телефон – наверняка, не просто так.

Сашка сняла заднюю панель, вынула батарейку и СИМ-карту. Из подозрительного во внутренностях телефона была только голографическая наклейка с логотипом фирмы изготовителя.

– Ты думаешь, они прослушивать будут, Саш?

– Он не зря позвонил – словно бы намекнул, что «институту» известно мое местонахождение и я под их контролем. А я не люблю быть под контролем.

Саша собрала телефон.

– Завтра по дороге в школу кинь его в мусорный ящик подальше от дома. Или подари в школе кому-нибудь.

– Ты серьезно? – удивилась Прасковья.

– У меня есть другая СИМ-ка, а телефон куплю с рук. Возле издательства торгуют.

Саша подумала немного.

– Пашка, собирай вещички. Мы едем на Аральское море.

– Ух ты! – восхитилась Пашка. – К дяде Георгичу?

– Не могу же я тебя здесь оставить, одну. И я должна выяснить, что не так с этим синим кварцем. Из первоисточника.

– Ура! – Пашка сорвалась с места, из спальни загорланила песню, намеренно бессовестно фальшивя и перевирая слова: – Увезу тебя я в тундру, увезу тебя одну...! Эээ... Чем-то белым и пушистым твои плечи оберну-у-у-у!...

– А комп починили? – крикнула Саша.

– Нет, – закричала в ответ Пашка. – Лешка говорит, что там что-то серьезное. Забрал к себе, обещал всё восстановить. Говорит, что к нему кто-то по удаленке подключался, вирус загнули.

Вирус ли, подумала Саша.

Она взяла Пашкин телефон, включила интернет. Набрала в Гугл: питание кварцевыми кристаллами.

По вашему запросу результатов нет, ответил Гугл. Саша попыталась выйти на форумы, на которых она общалась с любителями кварцев не далее, как вчера. Все сайты были заблокированы.

VII

– Вы уверены, что это правильный адрес? – настороженно спросила Сашка.

– Я-то уверен, – ответил шофер – пожилой казах, смуглый до черноты, и сплюнул в пыль. – А вы уверены, что вам сюда? Городок брошенный, почти всё растащено. Вы можете, конечно, пройтись, поглядеть, я подожду – вдруг надумаете назад ехать?

На спутниковых картах остатки военного городка под названием Аральск-6 выглядели менее страшно. Впереди торчал облупленный двухэтажный дом на три подъезда, со струпьями старой синей краски, с забитыми окнами и дверями, а больше вокруг строений не было – только разрушенные остовы казарм, стертые до основания фундаменты, несколько поваленных электрических столбов, и разный металлический хлам, проржавевший до дыр и не ставший добычей сталкеров и «металлистов» – согнутые трубы, покореженные клубки арматур, остатки забора, скелеты автобуса и грузовиков. Далеко за пределами мертвого городка высилась труба – некогда котельная. Все поросло редким черным кустарником, белесая от соли почва едва могла дать жизнь траве.

И вокруг – только степь. Отсюда не было видно моря – где-то на горизонте вроде дрожала тонкая голубоватая дымка, но что это – не разберешь. Море отступило на много километров от Аральска, и, хотя благодаря плотине, уровень воды стал заметно подниматься, до прежних своих границ Аралу предстояло добираться ещё долго.

Солнце, склоняясь к земле, нещадно жарило лицо. Поднятая автомобилем пыль словно бы застыла в раскаленном воздухе – дышать было трудно, Сашка закашлялась.

Аральск-6 во времена Советского Союза относился к ракетным войскам стратегического назначения. В 1992 году, в связи с расформированием, личный состав был вместе с семьями передислоцирован в Россию, а городок пришел в негодность и был разобран на стройматериалы местными жителями.

Шофер уселся на капот своей старенькой «Мазды» и закурил. Видимо, торопиться ему было особенно некуда, а заработать на обратной поездке к станции он ещё надеялся.

Пашка озиралась по сторонам – охотничий азарт юности требовал немедленных действий. Её не утомил ни жаркий вагон, ни пыльная дорога, ни даже руины домов – все было интересно. Она бы рванулась исследовать и трубу котельной, и этот облупленный глинобитный дом, и завалы ржавого железа, но Сашка вручила ей свой рюкзак, а сама принялась проверять план местности, который нарисовал ей Владимир Михайлович. Все было верно – в единственном сохранившемся доме должен был жить дядька Георгич.

– Могу на море свозить, – предложил шофер. – Всего тридцать км. Не желаете?

– Желаем, – встрепенулась Пашка

– Потом успеем, – задумчиво ответила Саша.

Пашка направилась к дому, оглядела его со всех сторон и вдруг завопила, задрав голову:

– Дядя Георгич! Э-э-эй!

Шофер с интересом наблюдал за ней.

– Дя-а-а-дя Гео-о-оргич!

Из степи подул горячий ветер, взметнулась соль с земли. Саша, с бумажным планом в руках, обошла вокруг дома – все входы были заколочены.

– Чего орем? – вдруг раздался голос – к шоферу со стороны разрушенного аэродрома неслышно подошел высокий старик, весь седой, с густой короткой бородой от кадыка, в руках – воздушное ружье. – Приветствую, Нуреке... Кого привез?

Шофер дружески пожал стариковскую руку.

– Тебя спрашивают, – ответил Нуреке.

– Всеволод Георгиевич? – Сашка кашлянула. – Это ведь вы, да?

- А ты кто, коса-краса? – хмуро спросил старик, покачивая ружье в руке.
- Я – Саша. Александра Глебова, – сказала Саша. – Дочь Николая Глебова.
- И – что?

– Мне ваш адрес дал Владимир Михайлович Смирнов, из института минералогии. Он сказал, что...

– Ну-ка, тихо, – внезапно прервал Георги́ч. – Разболталась ты, Александра Глебова. Чего надо-то?

– Синий кварц, – сказала Саша и попятилась – так огненно блеснули вдруг глубоко посаженные стариковские глаза. Но все-таки продолжила: – Вы мне в детстве рассказывали... байки... про Барсакельмес... Помните?

– Нет, – отрезал старик и пошел к дому.

– Подождите! – Сашка бросилась к нему, схватила за рукав. – Мне с вами поговорить надо. Это, должно быть, важно!

– Важно? – старик остановился и взгляделся в Сашку. Она удивилась его глазам – совсем не стариковские были глаза, молодые, голубые, а белки без красных прожилок, да и веки – совсем-совсем гладкие. – Я тебя знать не знаю, Александра Глебова. Прощайте!

Но тут не выдержала Пашка. Она решительно подошла и громко, почти напористо выдала:

– Ага, прощайте... Отмахали тысячу верст, по пыли тащились сколько – а он «прощайте»... Сказку знаете? Напоите, накормите, а потом уже прощайтесь!

– Цыц, мелочь! – рявкнул Георги́ч и обернулся к шоферу, многозначительно кивнув ему. – Раскричалась тут...

Сашка тоже решительно вскинула рюкзак на плечо.

– Я знаю, что мы незваные гости, но уж потерпите нас до утра. Все-таки родственники, хоть и дальние.

– Болтуньи вы, а не гости, – буркнул Георги́ч. – Заходите уж, до ночи стоять тут с вами, что ли?

Шофер, сообразив, что клиентов не будет, сел в машину, уехал. Откуда-то издалека донесся гудок – будто бы паровозный, но Георги́ч обернулся на него, прислушался. Гудок повторился несколько раз, с разными паузами. Старик сразу заторопился.

Двери в подъезд казались заколоченными, но Георги́ч дернул за доски и они легко отошли. По темной лестнице, спотыкаясь, хватаясь за расшатанные перила и скрипя песком, поднялись на второй этаж. Пахло кошками.

Георги́ч открыл квартиру, впустил сестер в коридор, зажег фонарик.

– Стойте пока, – приказал он, а сам прошел в комнату. Послышался стук закрываемых ставен и шуршание задергиваемых штор.

Наконец, вспыхнул свет – несколько тусклых лампочек.

– Надо же, – шепнула Пашка, – столбы повалены, а электричество есть.

– Есть, – ответил Георги́ч. – Даже вода горячая – в наличии. Проходите, чего застыли? Чаю сделаю сейчас. С молоком пьете?

– Мы с чем угодно пьем, – сказала Пашка, с облегчением скидывая кроссовки. Саша последовала её примеру. – И с колбасой, и с вареньем, и с хлебом. Согласны даже на голые сухари.

– Будет вам... колбаса с вареньем, – буркнул Георги́ч. – Ополоснитесь пока, полотенца на сушилке, чистые.

После купания сестер на столе уже ждал булькающий чайник и скромная закуска – толстенные бутерброды и сушки. Пашка набросилась на еду, Сашка заливалась чаем – жара высосала все соки.

В квартире было на удивление прохладно – словно работал кондиционер. На полу в большой комнате с обеденным массивным столом, большим диваном в простенке между двумя плотно зашторенными окнами, и на старенькой, ещё советских времен, с потрескавшимся лаком шкафа-стенки с многочисленными книжными полками – ни следа пыли, хозяин следил за чистотой. Из кухни раздавалось едва слышное бормотание трехпрограммного радио – обстановка далекого советского прошлого, когда у всех всё было одинаково и поровну.

Георгич обжимал огромный стакан с дымящимся чаем ладонями, словно согреваясь, и из-под лохматых бровей посматривал на гостей.

– Ну, Александра, – сказал он, – хотела говорить – говори.

– Вы мне в детстве рассказывали байки, про геологов... Про то, как были в экспедиции на острове Барсакельмес... про то, как нашли синий кварц...

– Синий кварц? – старик потянулся к полке, взял с неё старую, с искусанным мундштуком трубку. Саша помнила эту трубку. Оглядел со всех сторон, продул и, пустую, сунул в рот. Сашка невольно улыбнулась – если бы не седина, Георгич словно бы не изменился ни во внешности, ни в привычках. – Синего кварца в природе не существует. Его искусственно выращивают.

– Это я уже слышала, – отмахнулась Саша. Пашка, торжественно улыбаясь, прожевала огромный бутерброд и удовлетворенно вцепилась в следующий. – Но мой интерес... он... как бы это сказать?... Дело в том, что я писательница...

– Да ладно? – будто бы удивился Георгич. – Чего написала?

– Много чего, только под псевдонимом. Мужским.

– Почему?

– Рейтинг продаж книг авторов-мужчин выше, – пояснила Саша. – Считается, у них острее литературное восприятие и богаче язык... Я задумала написать новый фантастический роман. Про кварц.

– Чего вдруг?

– Многие сюжеты произведений приходят ко мне через сны. Этот феномен название имеет – подключение к информационному полю Земли.

– Чего? – Георгич даже трубку изо рта вынул.

– Ну, неважно... – Сашка допила чай, налила снова полную кружку. – Вкусный чай. С тархуном? Несколько месяцев назад приснился сон – инопланетяне, или вроде того, забрали меня на борт своего корабля и показали некий камень, минерал синего цвета, даже ничтожная крупица которого, вживленная под кожу, усиливает способность человека подключаться к информационному полю Земли. И тогда любая информация, какая бы не потребовалась в данный момент, будет доступна – бесконечные возможности в получении знаний.

– Интернет в голове, – словно бы про себя произнес Георгич.

Сашка встрепенулась.

– Да-да, именно так! Свободный Вай-фай в любом месте планеты, и вообще – в галактике. Инопланетяне и название камня мне сказали – только я вот никак не могу его вспомнить. Какой-то «лит»... Перлит... Берлит...

– Пиролит...

– Как? – Сашка удивленно вскинулась. – Да, да... может быть... Пиролит...

– Не дергайся, шучу я, – Георгич посопел в трубку. – Пиролит – не кварц. Это чисто гипотетическое вещество, из которого состоит верхняя мантия Земли. Там много чего намешано. Могу дать почитать, если интересно.

– Интересно.

– И ты вдруг решила, что сон – это абсолютная правда, и людям страшно хочется узнать о камне?

– Нет, не решила, – ответила Саша. – Мне понравилась сама идея, сюжет, так сказать. Все люди на Земле и за её пределами станут вдруг единым целым, общим сознанием... Радость и горести – всё на всех, поровну. Честность, справедливость, откровенность.

– Сашка мне весь мозг вынесла, – вставила Прасковья, уминая бутерброд. – Днем и ночью – синий кварц, синий кварц... Расписывает перспективы – с ума сойти можно!

– Помолчи-ка, пока взрослые разговаривают, – Георгич покосился на неё и Пашка тут же демонстративно набила рот едой так, что щеки раздулись.

– Я изучила всю доступную литературу, – сказала Саша. – В библиотеке сидела, в интернете, пошла на экскурсию в институт минералогии... Информации минимум – встречных вопросов максимум. Не существует в природе синего кварца, а если и существует, то данные о нем противоречивые и бестолковые. Мне даже кажется, что кто-то намеренно не позволяет распространяться знаниям о синем кварце. Экскурсоводша в музее «настучала», кому следует, что я задавала вопросы о синем кварце. Может, и не она, конечно, но предполагаю, что именно она – уж очень взгляд у неё был нехороший. Не успела выйти из института – меня записали в микроавтобус, а потом брутальный голливудский Антонио Бандерас в черном костюме допрашивал по той же теме. Мобильник поставили на прослушку, я так подозреваю, в ноутбук влезли – отформатировали жесткий диск. Домашний телефон, вероятно, тоже прослушивается – это уже собственные предположения, ничем не подтвержденные...

Саша залпом осушила кружку. Георгич посапывал пустой трубкой и, прищурившись, молча смотрел из-под густых бровей.

– От меня-то ты чего хочешь? – спросил, наконец, он.

– Вы геолог. Вам бояться нечего – живете на краю света, о вас никто ничего не знает. Если бы не Владимир Михайлович – мы бы год кружили вокруг Аральска, сюда бы и заглянуть не догадались. Однажды вы мне рассказали сказку про то, как вас ужалил камешек на Барсакельмесе. Не случайно ведь рассказали, верно? Говорили, что хорошая история получится. Вот мы и приехали – за историей.

– Это байка была, – сказал Георгич. – Я тебе таких тысячи расскажу, и мильон придумаю ещё вдогонку.

– Хороша байка, – кивнула Саша и вспомнила, что так же ответил ей Владимир Михайлович. У них это профессиональная присказка, что ли?.. Прасковья наелась и откинулась на спинку стула, довольно улыбаясь. – Только что-то не так с этим кварцем. Я подозреваю, что двадцать лет назад вы торопились передать информацию хоть кому-нибудь – вы не могли держать это в себе.

– У тебя богатая фантазия, писательница: сама придумала – сама поверила, – усмехнулся Георгич.

– Я бы не поверила, но детская память оказалась крепкой. И шрам между пальцами у вас остался, и даже оговорку помню, что у вас особый «нюх» на нефть появился, – Сашка, не мигая, тоже уставилась на старика. – Здесь, в заброшенном городке, вы нефть ищете? Или прячетесь?

– Много будешь знать – плохо будешь спать, – неторопливо ответил Георгич. – И живу я здесь, потому что на пенсии давно, тишину ищу, числюсь сторожем – какая-никакая копейка. А сторожить здесь есть чего – «металлистов» хватает, всё растащили вокруг, теперь к квартирам и складу подбираются... Работал на острове Возрождения после развала Союза, потом так и остался доживать. Ездить – никуда не езжу, не к кому, да и не зачем. Что тут странного?

– Доживать? – вмешалась Прасковья совершенно неожиданно, так что даже Сашка удивилась – она думала, сестра за разговором не следит. – Или осели поближе к Барсакельмес, к залежам синего кварца?

– Вот молодь настырная, – Георгич грозно пошевелил бровями, но на Пашку это не подействовало. – Нет никакого синего кварца, говорю тебе. Нет в природе.

– В природе, может, и нет, – сказала Сашка. – А где есть?

– Нигде нету.

Георгич встал, подошел к закрытым окнам, приоткрыл форточку – опять донесся длинный гудок.

– Долго что-то сегодня, – пробормотал старик.

Пашка тоже встала – разогнуть спину. Подошла к полкам с книгами и принялась рассматривать корешки.

– А где ваши мать с отцом? – вдруг спросил Георгич, неотрывно вглядываясь в невидимую щелку в ставнях. – Как живут?

– Они погибли. Двенадцать лет назад, – сказала Сашка.

Георгич обернулся, переспросил:

– Когда?

– В Каире, во время беспорядков, они готовили репортаж – их микроавтобус расстреляли. Они ведь журналистами были. Часто работали в «горячих» точках.

Старик не ответил, опять отвернулся к окну.

– Свозите нас на Барсакельмес, – сказала Сашка.

– Ты думаешь, тебя там ждут? – усмехнулся Георгич. – Заповедник теперь это, разрешение надо и всё такое. Двести с лишком кэ-мэ отмотать придется. И нет там синего кварца, уймись.

– Я заплачу за разрешение и прокат автомобиля.

– Богатая нашлась...

Но Сашка уже поняла по его ворчанию – старик не прост, и невнятные отговорки лишь способ потянуть время, подумать, оценить своих неожиданных гостей. Больше она решила ничего не говорить, пусть, в самом деле, подумает.

Георгич вернулся на свое место за столом, хлебнул остывшего чая. Пашка что-то мурлыкала под нос, расплетая длинную свою косу. Вдруг мигнул и потух свет.

– Это бывает, – успокоил сестер старик, шарясь в карманах. Вспыхнула зажигалка. – Сейчас свечку найду.

– Ой, волосы мне не спалите, – фыркнула Прасковья.

– Как же тебя звать-величать, коса-краса? – спросил хмуро Георгич, зажигая свечу.

– Меня – Паша.

– Я вам проводников дам. Внуки мои недалеко работают, весь Арал, как свои пять пальцев знают. И в армии тут служили. Своят на Барсакельмес, раз так рветесь. Только не найдете ничего.

– Почему?

– Потому что – всё фантазии ваши, женские, Паша и Саша, – пробурчал Георгич. – Родители странные такие – мальчишескими именами девок нарекать...

– Паша – значит Прасковья, – обиделась Пашка. – В честь прабабушки – она у нас выдающимся человеком была, учителем!

– Ладно, не дуйся, девушка Пашка, – Георгич глянул из-под бровей на часы. В дверь стукнули. Условно. – Это внуки мои. Я им звонил.

Он пошел открывать дверь, а Пашка с трудом вытащила из плотного ряда книг на полке один экземпляр и выразительно показала Сашке.

Она подошла – это была книга «Род человеческий», самый первый её серьезный роман. Пашка протянула ещё одну книгу, и ещё одну – тут было «полное собрание сочинений», если можно так сказать о неизвестном широкой публике писателе, Натане Александрове. Книги были читаны, и не раз. Саша пролиставала «Пути неизведанные» – кое-где даже были выделены простым карандашом целые абзацы. Из «Путей...» выпала старая фотография – на морском берегу стояла маленькая Сашка, в смешной панамке и с обезьянкой на цепочке. Саша помнила,

как долго её уговаривала мама сфотографироваться, но Саша испугалась зубастую обезьянку и никак не соглашалась.

– Эти книги продавались только в России, – сказала Саша. – Где он их взял?... И фото...

– «А говорит, что никуда не летает», – ответила Пашка фразой Алисы из мультика «Тайна третьей планеты». – Но за твоими успехами следит. Случайно?

– Не думаю.

– И внукам заранее позвонил... Как-то всё подозрительно. Шофера нашего знал – Нуреке. А ведь этот Нуреке сам к нам подошел, низкую цену предложил. И Нуреке явно понимал, к кому именно нас отвезти надо. У них точно договоренность была. Георгичу сообщили о нашем прибытии.

– Прямо шпионские игры, – улыбнулась Саша.

В комнату вернулся хозяин квартиры, а следом за ним вошли два молодых человека – одинаково рослые, белобрысые, не улыбочивые, гладкие. Истинные арийцы. На «здрасте» ответили кивком головы. Пашка зачарованно уставилась на их загорелые руки и широченные плечи – богатыри. Таким лом в дугу свернуть – плевое дело. Кем же они работают? На вид им было не больше двадцати пяти лет.

– Двое из ларца, одинаковы с лица, – тотчас шепотом прокомментировала она.

– Вот, – сказал Георгич. – Прошу любить и жаловать. Внуки мои. Север и Амур.

Прасковья громко прыснула в ладошку.

– А ещё про наши имена что-то говорит... – шепнула она на ухо Сашке, и уже громко, почти вызывающе, добавила: – А отчество у них, наверное, Казбековичи? Или Эльбрусовичи?

Георгич явно готов был разозлиться на её дерзкий язычок. Но сдержался, и спокойно ответил:

– Всеволодовичи они.

– Тоже прикольно, – не унималась Пашка. – С разбегу и не произнесешь. А дочь вы бы назвали Ангарой или Волгой?

– Леной! – прогремел Георгич. – Еленой её звали. Умерла она. Лавиной накрыло в горах, когда этим, – он мотнул головой в сторону неподвижных молодых людей, – и года не было.

Пашка присмирела:

– Извините, – буркнула она и стала изучать рисунок на стареньком ковре.

– В общем – так, – сказал Георгич. – Ребята вас отвезут, куда скажете, все места знают, в армии тут служили. И после – тоже. Бензин оплатите. Пока испытаний нет – пропустят на шлагбауме.

– Испытания? – заинтересовалась Пашка. – Какие?

– Какие надо. С утра, по холодку – езжайте. Теперь спать всем. Я вам, девушки, в дальней комнате постелю. Чай допивайте, да идите отдыхать.

Близнецы присели к столу только после того, как их пригласил Георгич. Оба голубоглазые, словно бы настороженные, они с неприкрытым интересом разглядывали общительную и обаятельную Пашку, которая вдруг принялась рассказывать, что хочет за жизнь искупаться во всех морях. В Черном море купалась, в Средиземном тоже, и в Мертвом, и в Каспийском, и в Красном. Вот теперь неплохо было бы в Арал окунуться. И рыбачить ей нравится – но чистить рыбу не любит.

Пашка болтала без умолку – был у неё талант: заинтересовывать собой людей. Невозможно было не удивиться её энергии и заразительному оптимизму, и близнецы вдруг тоже подали голос. Разговорчивее оказался Север. Он доверительно сообщил, что рыба в Арале есть, а до хорошего пляжа тридцать километров. Амур помалкивал, прихлебывая чай, однако Пашкина энергичность произвела впечатление и на него – он глаз с неё не сводил. Если бы не строгий приказ Георгича – всем спать, Пашка так бы и просидела до утра с братьями. Но близнецы

уже попали в крепкие сети девичьего обаяния, выбраться из которых не удавалось до сих пор никому.

VIII

Впрочем, спокойно проспать всю ночь, несмотря на усталость, им не удалось.

Саша всегда спала очень чутко – в отличие от беспечной Прасковьи. Ей показалось – она только заснула, как отчетливые шорохи за стеной разбудили её. Саша тотчас же открыла глаза и прислушалась – звуки стихли.

В комнате было абсолютно темно и, подождав немного, Саша потянулась к мобильному телефону – поглядеть, сколько времени. Экран вспыхнул, ослепив её. И вновь кто-то зашуршал за стеной, причем не со стороны комнаты, где легли спать мужчины, а из другой квартиры, которые, по утверждению Георгича, были покинуты хозяевами и закрыты.

Саша несколько минут лежала, прислушиваясь. Страх не было – в соседней комнате спали трое здоровых мужчин, кроме того – у них было ружье, пусть и воздушное, и опасаться, что кто-то полезет в квартиру, было, по крайней мере, смешно. Однако шорох стал отчетливее, что-то стукнуло, будто за стеной упала коробка.

Саша тихонько поднялась, накинула на плечи одеяло и на цыпочках пошла будить мужчин.

Впрочем, они уже не спали. На столе горела свеча, загороженная книгой, братья стояли у окон, что-то разглядывая в темноте улицы, а Георгич, сидя за столом и хмурясь, чистил воздушное ружье. Ещё одно лежало на столе – Саша удивленно узнала в нем пейнтбольный маркер полуавтоматического типа.

– Там кто-то за стеной шуршит, – шепотом сообщила она. – А вы почему не спите?

– «Металлисты» балуются, – негромко ответил Георгич. – Сколько уже предупреждал – толку ноль. Вот, опять приехали. Знают же, что я тут постоянно. Опять шугать придется.

– Как это – шугать? – спросила Саша, косясь на молчаливо-сосредоточенных братьев. Амур держал в руках огромный фонарь, почти прожектор.

– Солью – в мягкое место.

– А это разве законно?

– Тут всё законно, что я решу. Да и нельзя с ними по-другому – ни бога не бояться, ни черта, – сказал Георгич.

– Чего они крадут? Тут же ничего нет. Да и зачем вообще охранять? Сюда никто не вернется, все сгниет, если уже не сгнило!

Георгич щелкнул ружьем и строго поглядел на недоумевающую Сашу. Потом усмехнулся, покачав головой.

– Всё возвращается, – ответил он. – Рано или поздно. Да дело-то не в вещах – дело в сути: не твое – не лезь, не бери, ручонки свои гадкие не протягивай.

– Так вам за это платят? – Сашка удивленно посмотрела на стоящих у окон братьев. – Чтобы вы учили уму-разуму охотников до бесплатного?...

– А вот это не твое дело, – прервал Георгич. – Пока я тут поставлен – дом не разграбят, в подвалы не сунутся.

– В подвалах-то что? Песок и паутина? Плесень?

– Аппаратура разная, дорогая. Как её отсюда увезут – так и я снимусь с места. А пока – велено охранять и обслуживать.

– Обслуживать?!

– Дед, пятеро их, – подал голос Север, не оборачиваясь. – «Газель» пригнали. Из соседнего подъезда ящик выносят. Один, кажется, при оружии.

– Кажется... – пробурчал Георгич, подходя. – Так смотри лучше, чтоб не казалось... Ах, ты ж, точно, паразит – газовый у него... Давай-ка, Амурка – «глаз» включай по сигналу, а мы с Северной от соседей пошумим. Севка, цель в колеса, а я метить буду...

Он вышел в коридор, Север, прихватив маркер – за ним. Саша ждала хлопка закрывающейся двери, но было тихо. Амур сказал:

– Сядь в угол подальше, а то кинут камнем в окно – поранят. Или к Паше иди – проснется от шума и напугается.

Но Прасковья, позевывая, уже стояла в проеме.

– А что у вас происходит? – спросила она сонно. Длинная коса, небрежно заплетенная на ночь, расплелась, и Пашка лениво перебирала пряди, пытаясь их сплести вновь.

– Воришки лезут, – кратко сказала Саша. – Иди сюда.

С Прасковьи сон мигом сдунуло – глаза сразу заискрились любопытством. Она порывалась подойти к Амуру, выяснить детали, но Саша утянула её от окна. Они уселись в широком кресле в дальнем углу, Саша заботливо поделилась с ней одеялом.

Где-то отдаленно щелкнул сухой щелчок – словно щепку разломали. Амур выставил фонарь в окно и включил.

Дальнейшее было скрыто от глаз девушек.

На улице, в широком луче яркого фонаря, что-то происходило, слышны были только звуки: щелчки выстрелов, тихие человеческие вскрики, потом кто-то разразился ужасной бранью, раздавался неопределенный легкий скрежет, словно по стеклу скребли жестким картоном... И – далее уже только топот, стук, глухие удары и возня.

Прасковья вытягивала шею, как гусыня, словно это помогло бы заглянуть в зашторенные окна, снаружи ещё и прикрытые ставнями.

Амур отчетливо произнес:

– Вот черти!...

Обернулся вдруг к девушкам, застывшим в кресле, и бросил сквозь зубы:

– Прасковья, за «стенкой» – подушка, дай сюда!

Пашка с готовностью соскочила, пригнувшись, пробежала до шкафа, сунула руку за него.

– Это не подушка, – сказала она, вытаскивая на свет ружье, – это сарбакан... иньектор...

Вы же говорили – только поугатать... Чем он стреляет? Транквилизатором? Снотворным?

– Ботулином... И это не опасно – главное, в лицо не попасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.